

Галина Кимстач

Воплощенная мечта

12+

Галина Кимстач

Воплощенная мечта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63986971

SelfPub; 2021

Аннотация

Ученица 6 класса Анька Сорокина обманным путем отправилась в экзотическое путешествие с взрослым старшим братом Андреем, а попала в параллельный мир, где все как у нас, только еще хуже. Брата тут же забрали в армию, а Анька оказывается у "параллельной" мамы, с которой они вместе пытаются найти брата и сделать все, чтобы Аня и Андрей могли вернуться домой.

Галина Кимстач

Воплощенная мечта

Анька Сорокина была такой маленькой и щуплой, что в свои одиннадцать выглядела на все восемь, ну максимум на девять. Однако тщедушность вовсе не мешала ей быть ужасно нахальной. Самоуверенной всезнайкой, не признающей ничьих авторитетов, даже родительских. И вечно сующей нос не в свое дело. Так, во всяком случае, считал ее старший брат Андрей, который в данный момент собирал чемодан для турпоездки, а Анька мешалась ему под ногами и лезла с глупыми вопросами.

Андрей – высокий мускулистый парень чуть за двадцать, был заносчивым и воображалой – по мнению сестры, которой очень хотелось поехать в это путешествие вместе с братом и которую, разумеется, не брали.

По мнению же отца с матерью, и брат, и сестра были редкостными балбесами и лентяями. Это, впрочем, совсем не препятствовало родителям хвалиться перед родными и знакомыми своими отличниками и умниками, что совпадает совсем нечасто. В те редкие моменты, когда отец с матерью не обзывали сына оболтусом или бездельником, меж собой они так и звали его "наш красавчег". Аньке же еще только предстояло стать красавицей, но в том, что это случится, и довольно скоро, никто не сомневался, и меньше всех она сама.

Пока же, правду говоря, смотреть было не на что.

Андрей же был красавцем вот уже несколько лет, с тех пор как исчезли юношеские прыщи, и он стал следить за собой, регулярно мыться и пользоваться носовым платком и дезодорантом. А также посещать фитнес-центр и бассейн. Он учился на пятом курсе серьезного института города Обнинска и уже подрабатывал вечерами, что-то там с компьютерами. Неплохо получал, между прочим.

Круглый отличник Андрей Сорокин экзамены за первый триместр сдал досрочно и теперь собирался на две недели в путешествие для настоящих мужчин, как было написано в рекламном проспекте. Этот тур так и назывался "Воплощение мечты". В нем были обещаны прыжки с парашютом, необычный полет на самолете с состоянием невесомости, как у космонавтов, охота на диких зверей и еще куча всякого разного, перед чем трудно устоять настоящему мужчине. А также "много приятных сюрпризов, о которых вы узнаете на месте". Приглашались только лица мужского пола в возрасте от 19 до 30 лет при наличии справки о здоровье. И цена при этом приемлемая, дешевле, чем в Турцию. Про этот тур ему рассказал знакомый, с которым они вместе качались на тренажерах в фитнес-центре. Тот был в полном восторге и настоятельно советовал.

Отец и мать уже не могли ничего запретить взрослому, самостоятельно зарабатывающему на жизнь мужчине, но эта идея им, разумеется, не понравилась, особенно матери. Для

них все эти полеты и приключения означали лишь две недели беспокойства и бессонных ночей в ожидании, пока сын опять не окажется дома за компьютером.

– И чего бы тебе, как нормальному человеку, не поехать в Турцию или Грецию? Или в Египет, там в ноябре теплее. Алину взять с собой, а? Все бы под женским присмотром был, матери спокойнее.

– Мам, не говори мне о ней больше! Между нами все кончено.

– Опять! Андрюша, что ж ты за человек такой, ни с одной девушкой больше трех месяцев не уживаешься. Алина-то тебе чем не угодила?

– Мама, все, тема закрыта. Не хочу об этом говорить. Забудь о ней.

– А давайте я с ним поеду, буду по-женски присматривать. Так хочется в невесомости побывать! Андрей, ну возьми меня с собой, а?

– Молчи, сикильдявка! Ты что, мужчина от 19 до 30? Сначала вырасти и пол смени, а потом просись.

– Мам, поставь своего красавчегу на место! Женщины, между прочим, тоже в космос летают. И самолетами управляют.

Отец мечтательно произнес:

– Эх, ребята, будь это мне от 19 до 30, это я бы отправился за ним присматривать. То есть не присматривать, конечно, я же не женщина. Просто бы тоже отправился. Невесомость,

парашюты! Что ни говори, а интересно-то как!

Тут между родителями возникла привычная перебранка.

– Ты бы вообще помалкивал! С твоим-то здоровьем. Невесомость ему хочется испытать! А сверло новое в дрели испытать не хочется? Месяц уже прошу дырку в стене просверлить, чтобы новое зеркало повесить вместо старого, которое, кстати, ты сам и разбил. А результата ноль. Нечего изображать из себя настоящего мужчину.

– Какая ты скучная, Татьяна! Только бы тебе дырки сверлить. Все нервы мне уже просверлила. Никакой романтики. И вечно обижаешь, унижаешь мое человеческое достоинство. Сверло ты, а не баба. Лучше иди посуду помой, скоро тарелки из раковины посыплются.

– Не посыплются. И вообще, сегодня Анькина очередь посуду мыть. А ну, марш на кухню, не мешай брату собираться.

Аня уныло поплелась на кухню, ворча про мужской шовинизм и отсутствие женской солидарности.

– Ну, вот и готово, – сказал Андрей, закрывая чемодан.

Отец попробовал поднять чемодан и еле оторвал его от пола.

– Гири у тебя в нем, что ли? Как же ты его потащишь?

– Не гири, а гантели. Одна всего, пудовая. Это не запрещается, даже приветствуется. Разрешается до 40 кг груза. Я же, пап, чемодан не на себе поташу, а на колесиках покачу.

Родители просто отпали. Отец покрутил пальцем у виска, а мать разоралась.

– У тебя, Андрюша, от твоего фитнеса совсем крыша поехала! Надо же, с гантелями расстаться на две недели не может. Ты бы лучше девушек своих так любил, как гантели.

На этой высокой ноте приготовления к путешествию были закончены.

...На следующий день мать отпросилась после обеда с работы и отвезла Андрея на машине на автобусную станцию. Отец простился с ним еще утром, перед уходом на работу. Анька же принципиально не стала провожать брата, раз ее с собой не берут. Оставила на столе записку, что ушла в кино с подружками. Каникулы, имеет право.

От вокзала до аэропорта "Внуково" их группу, всего человек тридцать, должны были везти на автобусе. Когда Татьяна припарковалась на вокзальной площади, автобус уже ждал их. Современный туристический автобус, по обоим бокам которого крупными ярко-синими буквами было выведено "Вперед, мечте навстречу!".

Чемодан был отправлен в багажное отделение. Андрей чмокнул мать в щеку, уселся в автобус и помахал ей на прощанье из окна. Татьяна помахала в ответ и с гордостью отметила про себя, что хотя парни в автобусе все как на подбор красавчеге, ее – самый наикраший.

Вскоре автобус тронулся. Соседом Андрея оказался очень приятный парень по имени Дмитрий, которого он уже один раз мельком видел, когда оплачивал поездку в турагентстве. Между ними сразу же завязалась увлекательная беседа.

да об адаптерах, конвертерах, транскодерах, контроллерах и ненужности VGA-TV преобразователей для современных компьютеров.

Вообще начало было прекрасное, как и обещалось в туристическом проспекте. Удобный автобус с кондиционером, туалетом и телевизором. Правда, дорога была забита, пробка началась почти сразу, как выехали из города на Киевское шоссе. Руководитель группы, симпатичный молодой человек, тоже "от 19 до 30", сказал в микрофон, что хотя вообще-то путь от Обнинска до Внуково раньше занимал чуть больше часа, теперь, в связи с реконструкцией шоссе, ехать придется не меньше трех часов. Поэтому, чтобы не было скучно, можно посмотреть телевизор или послушать музыку через наушники. А чтобы они не проголодались в дороге, им будут предложены прохладительные напитки и легкая закуска.

Вскоре по рядам стали передавать газировку и соки, смесь орешков с цукатами и бутерброды. Андрей с аппетитом принялся за еду, несмотря на то, что еще совсем недавно, перед отъездом, плотно пообедал. Но уж очень ароматно пахли свежий, еще теплый хлеб, красная рыба и сыр.

– Для начала очень неплохо, – согласно переглянулись Андрей с Дмитрием.

– Эй, Андрей, твоя фамилия ведь Сорокин? Это не твой там "самсонит", огромный такой, зеленый? На нем еще на-

клейка с пальмами.

Андрей приоткрыл один глаз. Над ним стоял Дмитрий и тряс за плечо. Он с трудом разлепил второй глаз и выпрямился на сиденье. Потряс головой, стряхивая с себя сон.

– Черт, где это мы?

– В самолете, где же еще?

Андрей поднялся с кресла и с удивлением огляделся. Действительно, в самолете. Двигатели гудели во всю мощь, и как только он мог уснуть при таком шуме. Да еще в таком кресле! Бог ты мой, да разве же ЭТО можно назвать креслом?! Салон самолета, заполненный едва ли на треть, вместо привычных мягких самолетных кресел с высокими спинками был уставлен деревянными стульями с подлокотниками. На этих стульях в невообразимо неудобных позах спали пассажиры. В каждом ряду стулья были сзади сбиты по трое необтесанными и неошкуренными досками. Жесткие сиденья были покрыты коричневым дерматином, как в старых электричках. Дерматин этот местами был продран, и из дыр торчала грязная вата. Пол салона был устлан деревянными досками, окрашенными суриком. А вдоль прохода были проложены рельсы. В целом, если не считать рельсов, все это напоминало уменьшенный в масштабе актовый зал школы или какого-нибудь бедного сельского клуба из кино про ранние советские времена, а никак не салон самолета. Полный отстой!

– Что-то я совершенно не помню, как я в самолете очутился. Ни как из автобуса выходили, ни как в самолет сади-

лись, ничего.

– Андрей, это отдельная тема, с этим потом. Ты слышал, о чем я тебя спросил? Твой это зеленый чемодан с пальмами?

– Ну, мой. А в чем дело?

– А дело в том, что у тебя в чемодане человек сидит.

– Чего?!

– Точно тебе говорю. Человек сидит, вернее, ребенок. Кроме шуток. Пошел я в туалет в хвост самолета. Но так и не дошел. Там, в хвосте, наши чемоданы лежат, и вдруг из одного человеческий голос раздается, детский причем. Просит выпустить, говорит, что больше не может терпеть и сейчас описается. Позовите, говорит, немедленно Андрея Сорокина. Иди, выпускай. – Дмитрий хмыкнул.

– Неужели Анька? Убью заразу!

Сонливость как рукой сняло. Андрей почти пробежал в хвостовой отсек, добрался до своего чемодана и открыл замок. Так и есть! В чемодане, скрючившись в три погибели, сидела, нет, лежала Анька. Он со злостью вытащил ее из чемодана за воротник куртки.

– Андрюшенька, миленький, потом убивать будешь, дай сначала в туалет сбегать!

– Черт с тобой, беги! Но потом я с тобой разберусь.

Пока сестра была в туалете, Андрей осмотрел чемодан. Гантели в нем не было, поэтому он, наверно, и не заметил изменений в весе чемодана. Тощая сестрица была ненамного тяжелее гантели. Ладно, отсутствие гантели в конце концов

можно пережить. Но в чемодане не было и половины тех вещей, которые он так старательно складывал вчера вечером. Во что же ему переодеться? Нет, сейчас он все-таки этой гадине маленькой так надает по шее, что мало не покажется. И что, скажите на милость, теперь с ней делать? И родители, наверно, уже на ушах стоят: дочь пропала. Надо им позвонить, обрадовать. Андрей достал из кармана телефон и попытался позвонить, но связи не было.

Сестра, наконец, вышла из туалета. Вид у нее был ошарашенным.

– Там это, там это, – она тыкала пальцем на дверь туалета, но ничего более членораздельного у нее не выговаривалось.

– Не морочь мне голову!

Андрей дал ей увесистого шелбана по лбу и, взяв за шкуру, поволок в салон. Почти все пассажиры уже проснулись и с веселым интересом смотрели на них. Кто-то удивлялся, почему девчонку на регистрации не обнаружили. Разве чемоданы не просвечивают? Может быть, на внутренних рейсах и не просвечивают? Да нет, давно просвечивают.

Андрей озадаченно произнес:

– Хоть убей, не помню, чтобы я чемодан показывал. И вообще не помню, как я здесь оказался.

Тут все загалдели. Выяснилось, что посадки в самолет не помнит никто из пассажиров. Все помнили, как отъехали на автобусе, как встали в глобальную пробку перед Рассудовым. А потом как отрубил. Да, дела...

– Зато я помню. И даже знаю, почему вы не помните, – нахально встряла в разговор Анька.

– Лучше молчи, убью. Откуда тебе знать, когда ты в чемодане сидела. И кстати, ты знаешь, что в чемодане ты могла бы задохнуться без воздуха?

– Да знаю я, знаю. Я, чтобы не задохнуться, там несколько дырочек просверлила папиной дрелью.

Андрей аж застонал:

– Дырочек она просверлила! В чемодане за семьсот долларов! Испортила такую вещь! Возместишь, когда вырастешь! И когда ж это ты успела, интересно?

– Да не переживай ты так за свой чемодан, противно даже. Ничего я не испортила, я в незаметных местах просверлила. Ты ведь ничего не обнаружил. А сверлила я, когда ты утром бегал трусцой в парке.

– А залезла в чемодан когда?

– Когда ты ходил днем в "Евросеть" с тарифами разбираться. Тогда и залезла.

– А знаешь ли ты, дура стоеросовая, что если бы чемодан не в хвосте салона остался, а в багажном отделении был, ты бы от холода умерла?

– Не такая уж я и дура. Я про это читала, поэтому оделась потеплей и взяла с собой химическую грелку, у папы стащила. Я все продумала, вот только то, что мне в туалет захочется, как-то из виду упустила.

Здесь Дмитрию, наконец, удалось вклиниться между ни-

ми:

– Слушайте, ребята, вы потом как-нибудь разберетесь между собой. Есть более важные вещи. Кажется, девочка сказала, что она знает, почему мы не помним, как оказались в самолете.

– Чего ты ее слушаешь? Что она могла узнать из чемодана?

– А вот и узнала! По дороге автобус остановился довольно надолго, не знаю, где и зачем, и я услышала разговор двух мужиков, стоявших рядом с тем местом, где я в чемодане лежала. Один спрашивал, достаточно ли снотворного было в напитках, а другой ответил, что все в порядке, хватит часов на восемь. А потом, когда багажный отсек открыли и чемодан, в котором я была, вместе с другими чемоданами куда-то перевозили, я еще слышала, как кто-то сказал: "Осторожнее перекладывай, это ведь тебе не дрова, а живые люди". А другой ехидно так ответил: "Пока еще" и засмеялся.

Ничего себе! Поверили Аньке, не поверили, но все же парни приуныли.

– Ох, не нравится мне это. И самолет какой-то отстойный. Мы вообще летим или что? Эй, кто у окна сидит, гляньте в иллюминатор!

Однако в иллюминаторах, которых почему-то на весь салон было всего четыре, по два на каждой стороне, ничего не было видно. Ночь и белый туман, какой всегда бывает, когда летишь в облачности. Учитывая, что по расписанию вылет

самолета был в полдевятого вечера, они должны были находиться в полете уже около шести часов. В общем гуле голов можно было слышать:

– Куда это мы так долго летим? На Дальний Восток? Это что, и есть тот необычный перелет, какой обещался в рекламе? Да уж, необычный, дальше некуда. И есть уже хочется. И где вообще стюардессы? Блин, тут даже кнопок для вызова стюардесс в этих стульях нету!

Кто-то прошел в переднюю часть салона и попытался открыть дверь в служебное отделение, но она оказалась крепко запертой.

– Эй, еда скоро? Есть хотим! – завопили парни хором и затопали ногами по полу так сильно, что Анька испугалась, что деревянный пол проломится, и они выпадут из самолета наружу.

Как будто бы в ответ на это из динамика раздался скрипучий, какой-то даже металлический голос:

– Уважаемые пассажиры! Вас приветствует командир корабля Иван Петрович Сидоров. Наш полет проходит на высоте 10 тысяч метров. Температура за бортом минус пятьдесят градусов. Вскоре вы испытаете состояние невесомости, после чего вам будут предложены обед и напитки. Пока же просим вас оставаться на своих местах и пристегнуться. Мы входим в зону турбулентности. Следите за нашими объявлениями.

Все пристегнулись торчащими по бокам стульев поясами,

качество которых также было ниже всякой критики. Немного успокоились насчет обмана, но возбудились в ожидании невесомости.

Анька уселась в свободное кресло между Дмитрием и Андреем и тоже пристегнулась. Андрей щелкнул ее по лбу, теперь уже совсем несильно, не то что после чемодана.

– Ну вот, дурында, слышала, невесомость скоро, а ты – обман, обман. Видимо, это специально так самолет оборудован, чтобы места для полета в невесомости было больше. Смотри, насколько потолок тут выше, чем в обычных самолетах. И вообще, это чартерный рейс, тут на всем экономят, даже на креслах. Может, и усыпили нас для того, чтобы к состоянию невесомости все были бодрыми и выспавшимися. Сейчас ведь почти три ночи.

Вскоре из динамика опять раздался скрипучий мужской голос:

– Уважаемые пассажиры! Через несколько минут вы почувствуете невесомость. Пожалуйста, спрячьте все ваши вещи в полки, находящиеся над сиденьями. Выньте все из карманов, снимите ботинки и уберите в специальный ящик, находящийся под сиденьями впереди вас. Оставайтесь пристегнутыми. Во избежание травматизма предлагается следующий порядок: сначала по команде отстегиваются пассажиры первых трех рядов, проплывают вдоль салона и возвращаются на свои места. Пристегиваются. Затем отстегиваются пассажиры, сидящие с четвертого по шестой ряд. И так

далее. Без команды не отстегиваться! Повторяю: уберите вещи и снимите ботинки.

Все быстро убрали содержимое карманов и ботинки в привинченные к полу ящики. Анька тоже сунула свои кроссовки в ящик.

Андрей противным голосом произнес:

– А ты чего ботинки сняла? Ты наказана, и будешь сидеть пристегнутой, пока мы будем летать в невесомости. И вообще, Аня, ты уже достаточно большая девочка, чтобы понимать, что ты еще слишком маленькая для этого тура.

– Еще чего, попробуй только мне помешать! И вообще, Андрюшенька, я все-таки еще слишком маленькая, так как считаю, что для невесомости я вполне созрела.

Они бы еще поперерекались, как вдруг открылась дверь служебного отделения. Тут все как один выдохнули "Ах!", так как появились из-за двери вовсе не стюардессы. Из-за двери, которая тут же захлопнулась, по рельсам в полу выкатился робот, выполненный до пояса как андроид, а ниже пояса как тумба на колесиках. Он ехал вдоль рядов, с мерзким скрипом поворачивался вокруг оси и красными лучами из глаз что-то сканировал. Доехав до конца салона, робот произнес в пространство тем металлическим голосом, который приветствовал "уважаемых пассажиров":

– Один лишний. Есть. Пересчитать. Болван.

Робот развернулся верхней частью на 180 градусов и поехал в обратном направлении.

– Анька, а ведь это он о тебе! Это ведь ты лишняя. Спрячься-ка ты на всякий случай под креслами.

Аня испугалась робота и улеглась на пол, спрятавшись под ногами Андрея и Дмитрия. На этот раз сосчитанное роботом количество пассажиров совпало с требуемым, о чем он и доложил вслух неизвестно кому. Доехав до двери в служебное помещение, робот опять развернулся и неподвижно застыл. Глаза его потухли, и Андрей помог Аньке вылезти из-под кресла и снова пристегнуться.

Через пару минут все вдруг почувствовали, что как будто бы становятся легче. А потом вообще оторвались от сидений и удерживались на месте только ремнями безопасности. Несколько человек из задних рядов отстегнулись, несмотря на отсутствие команды, и всплыли под потолок. Немедленно к ним подъехал робот, опять сверкая из глаз красными лучами, из его рук в области запястий выдвинулись длинные стереоскопические трубки с крючьями на конце. Этими крючьями он цеплял за одежду и усаживал неслухов на место. По-видимому, крючья цеплялись не только за одежду, но и за мясо, так как парни кричали от боли, освобождаясь от них.

Усадив нарушителей порядка и изрядно напугав остальных, робот опять подкатил к двери в служебный отсек, находящейся в голове салона, со скрипом развернулся и еще раз напомнил о порядке. Потом произнес, что теперь первые три ряда могут отстегнуться и пролететь по салону. Пассажиры

первых трех рядов не заставили себя ждать, а остальные с завистью следили за ними, но отстегиваться раньше времени больше не пытались.

Аня с братом сидели примерно в середине и с нетерпением ожидали, когда же подойдет их очередь. Наконец, и им разрешили отстегнуться. Они пролетели взад-вперед, причем на всякий случай, чтобы робот опять не заметил лишнего пассажира, Анька почти все время плыла под животом у брата и только, улучив момент, когда робот оказался к ним спиной, сделала пару кульбитов. Потом они опять сидели пристегнутыми и опять смотрели на проплывающих над ними парней, но теперь уже не с такой завистью.

Андрей расслабленно покачивался под неплотно пристегнутым ремнем, прикрыв глаза. Но вдруг лицо его изменилось, приняло озабоченный вид, одной рукой он притянул себя к креслу, а другой стал делать какие-то движения в воздухе, как будто что-то писал. Аня это заметила.

– Андрюш, что-то не так? Что случилось?

– Все не так. Не пойму, где это мы летим. Как такое вообще может быть? При невесомости самолет должен находиться в свободном падении, так? Если мы летим на высоте порядка 10 километров, то в свободном падении мы должны грохнуться на землю за корень из два аш, деленный на же. Это получается... – он опять нарисовал что-то в воздухе, – это получается... порядка сорока пяти секунд. Ну, умножим даже на 10 для учета сопротивления воздуха. По-

лучится семь с чем-то минут. А мы в невесомости уже больше часа, а пролетело по салону только чуть больше половины народу.

– Может, ты считаешь неправильно?

– Точно, неправильно. Ерунду сказал насчет сопротивления воздуха. Чтобы была невесомость, мы должны падать ровно с ускорением свободного падения. Если медленнее, вес останется, а если быстрее, прилипнем к потолку. Так что мы должны были бы находиться в невесомости секунд 15-20, а потом снова набирать высоту. То есть периодически испытывать невесомость и перегрузку. А тут сплошная невесомость целый час. Так что даже если я чего-то не учитываю, например, подъемную силу крыла самолета... Или она тут ни при чем? Забыл уже все, блин, что на первом курсе учили. Как бы то ни было, но не может невесомость так долго длиться.

– Да ладно, не думай об этом, – легкомысленно сказал Дмитрий. – Меньше знаешь, лучше спишь. Сейчас невесомость кончится, поедим, и опять можно будет поспать.

– Не наспались, что ли, от снотворного? – сварливо спросила Анька. – Андрюш, а почему у всех невесомость, а у робота нет?

– Да это-то как раз просто. Там или сильный магнит, или у него колеса так устроены, что цепляются за рельсы. А насчет не наспались, наверно, это снотворное еще действует. Тебе легко говорить, тебя-то снотворным не поили. Ты спала здо-

ровым детским сном в чемодане.

И они продолжили покачиваться под ремнями. Потом им это надоело, и все уже с нетерпением ждали, когда невесомость кончится, и их покормят. В животах бурчало все сильнее.

Наконец, под потолком пролетели пассажиры последних рядов. Вскоре все ощутили, что опять обретают вес, причем не одновременно, а постепенно. После невесомости всем показалось, что они стали гораздо тяжелее, чем раньше.

Робот потерял к ним интерес и скрылся за дверью служебного помещения, открывшейся на мгновение, чтобы впустить его, а потом опять громко захлопнувшейся на замок. Минут через пятнадцать дверь снова открылась, и опять появился робот. Анька на всякий случай шмыгнула под кресло.

Робот ехал между рядами и, пересчитывая красными лучами количество пассажиров в каждом ряду, доставал из своей тумбочки соответствующее число подносов с едой и раздавал. Доехав до хвоста салона и раздав всю еду, он развернулся и застыл в неподвижности.

Еда на этот раз была попроще, чем в автобусе: салат, стандартная курица с рисом и какой-то подливкой с очень сильным, но приятным запахом, и чай с булочкой. Однако все было очень свежее, приготовлено качественно и пахло чрезвычайно аппетитно.

Аньке подноса, естественно, никто не дал. Брат великодушно предложил разделить с ним трапезу, но она отказа-

лась, хотя есть ей хотелось не меньше остальных, а может, и больше. И другим она не советовала есть. А вдруг там опять снотворное?

Некоторые засомневались: есть, не есть? Но запахи по салону плыли такие ароматные, что удержаться было практически невозможно. Рассуждали так: теперь вроде их незачем усыплять, а если усыпят, то поспим и проснемся, как и в прошлый раз. Поэтому большинство принялось за еду. Ане все же удалось уговорить Андрея и Дмитрия подождать, посмотреть, что произойдет с другими. И вообще, у нее есть бутерброды, чипсы и минералка в чемодане, она себе приготовила. Вот робот уедет, можно будет достать.

Но робот пока не уезжал. Прошло какое-то время, и он двинулся из конца салона вперед, укладывая себе в живот пустые подносы. В одном из задних рядов нашелся пассажир, не ставший есть. И даже не потому, что побоялся снотворного, а просто потому, что не любил курицу и ненавидел рис. Робот, просканировав тарелку, вернул поднос со словами: "Надо съесть". Он стоял и дожидался, пока испуганный юноша, давась, не проглотил последний кусок, а потом поехал дальше забирать подносы у тех, кто уже закончил. Другой парень, кстати, из тех, кто раньше времени отстегнулся, и кого усадили на место с помощью крюка, из тех, кого жизнь ничему не учит, на слова робота "надо съесть" ответил грубым отказом. Тогда робот спросил в пространство:

– Отказывается есть! Указания? Есть. Докормить. Болван!

Из его левой руки в районе локтя выдвинулся гибкий металлический шланг, который, как удав, в несколько витков обхватил за плечи не желавшего есть пассажира. Часть руки от локтя до пальцев, действуя самостоятельно, добралась до лица, пальцы раскрыли рот и не давали закрыться. Правой рукой робот засунул в рот парня большой кусок курицы, ослабил хватку, позволив жевать, но пальцы ото рта далеко не убирал. Через некоторое время, когда, наконец, кусок был проглочен, рот юноши опять был насильно открыт, и правая рука робота засунула туда следующий кусок. Кругом раздавались возмущенные голоса, требующие прекратить экзекуцию. Робот на это никак не реагировал. За беднягу попробовал заступиться его сосед и стал отрывать от него руки и шланги робота, но болван только сверкнул красным лучом из-под правого локтя, и этот сосед получил такой удар током, что отлетел на свое место, сильно ударившись головой о деревянное кресло.

Других заступников не нашлось, и парень предпочел больше не сопротивляться и быстро все доел. Тогда дополнительная часть руки робота убралась внутрь, и он продолжил сбор подносов. После увиденного все, кто еще сомневался, сочли за лучшее быстро очистить тарелки.

Андрей с Дмитрием с трудом, глотая слюни, все же удерживались пока от еды и только наблюдали. Вроде пока никто не уснул. С другой стороны, в автобусе они ведь тоже не сразу заснули. Поведение робота указывало на то, что с

едой опять не все в порядке, но никому не хотелось, чтобы его кормили насильно таким образом. Лежавшая под креслами Анька предложила не злить робота и сложить еду в пакет, благо у нее в кармане есть парочка, и убрать в ящик под креслами, где во время невесомости ботинки лежали. Если все в порядке, потом съедем. Чай придется вылить в этот же ящик, но ничего, у меня ведь минералка есть. Так они и сделали. И робот без сомнений положил в живот их пустые тарелки и чашки.

Когда робот собрал всю посуду и скрылся за дверью, Андрей принес из чемодана еду, и они перекусили тем, что предусмотрительная Анька захватила с собой в дорогу.

После еды народ потянулся в туалет и покурить. Из туалета все выходили с круглыми глазами и, как один, произносили: "Ну и ну!".

Признаков сонливости ни у кого пока не появилось, и Андрей стал упрекать сестру в излишней подозрительности. Вдруг из динамика раздался голос, призывающий всех занять свои места и пристегнуться, так как самолет опять входит в зону турбулентности. Напуганные роботом, все послушно уселись и пристегнулись. Вскоре верхний свет погас, и по громкоговорителю всем пожелали отдохнуть, так как полет продлится еще несколько часов.

– Еще несколько часов, обалдеть! Да за то время, что мы в полете, уже можно было вокруг Земли облететь. Куда ж мы все-таки летим, хотел бы я знать?

– Чего ты нервный такой, беспокойный? Прилетим, узнаешь, – буркнул Дмитрий. – Ты же все равно не можешь ни на что повлиять. Сейчас всего полседьмого утра, можно и поспать пару часов, все равно в темноте делать нечего. Тут даже нет маленьких лампочек для индивидуального освещения.

– Если все равно спать, чего ж мы тогда курицу не стали есть? Все ты, Анька, оставила нас голодными!

– Зато, если вдруг чего произойдет, мы сможем увидеть.

– Увидим, как же! Робот тебе как даст током, сразу видеть перестанешь. Ладно, давайте спать.

Но сон к ним чего-то не приходил. А вот почти все другие пассажиры быстро уснули. Может, и правда в еде снотворное было. Андрей спросил у тех, кто еще не спал, ели ли они курицу, и оказалось, что они тоже догадались спрятать еду кто куда. Вдруг опять открылась дверь, и выкатился старый знакомый. Анька быстро скользнула под кресло. В темноте робот ехал между рядами и осматривал все своими красными лучами. Все, кто не спал, на всякий случай притворились спящими. Робот проехал туда-сюда и перед тем, как опять скрыться за дверью, сказал в воздух:

– Порядок. Все спят. Болван!

Анька вылезла из-под кресла и села между Андреем и Дмитрием. Только пристегнулась, как сразу началась такая турбулентность, что о-ё-ёй. Самолет раскачивало во все стороны, подкидывало и вверх, и вниз, и вбок. Казалось, он сейчас развалится на части.

– Андрей, меня тошнит! Я боюсь!

– Терпи, меня самого тошнит. Остался у тебя еще пакет? Достань на всякий случай.

– Я сейчас тоже сблую. Все из-за вас, ребята! Посмотрите: те, кто слушался робота, спокойно спят, а мы мучаемся.

– А вдруг мы сейчас грохнемся? Боюсь, боюсь!

– Если и грохнемся, то лучше бы это было во сне. Вы как хотите, а я достаю курицу и ем. Тем более что твоими бутербродами и чипсами я совсем не наелся.

И Дмитрий, с трудом открыв в такой тряске ящик, достал пакет, в который они сложили курицу с гарниром, и стал в темноте быстро жевать.

– Вы будете, нет? – из вежливости спросил он у Ани и Андрея, но те отказались.

– Я предпочитаю быть в курсе событий. Да и как можно есть, если так трясет и тошнит.

– Тогда я съем оба куска. Очень вкусно, кстати, хотя все давно остыло. И тошнить сразу перестало.

Он ел руками и доел все без остатка, и даже вылизал языком всю остывшую подливку из пакета. И вскоре спокойно заснул в неудобной позе. А брата с сестрой, предпочитавших быть в курсе событий, все-таки вырвало, хорошо, пакет был наготове. Но и после этого им не полегчало.

...Самолет никуда не грохнулся. Еще какое-то время сильно трясло, но потом все успокоилось. И Аня с Андреем, наконец, тоже уснули безо всякого снотворного. Анька спа-

ла, свернувшись калачиком на своем стуле и положив голову брату на колени. Андрей же, как и все остальные пассажиры, спал, согнувшись в три погибели, и когда самолет потряхивало, как и все, стучался головой о переднее сиденье.

...Первой проснулась Анька. Кругом было еще сонное царство. Она сразу почувствовала, что что-то изменилось, хотя спросонья не могла понять, что именно. Потом до нее дошло, что гул самолета стал намного тише и размеренней, а тряски вообще не было. Из-под шторы иллюминатора просачивался свет. Аня пробралась к иллюминатору под креслами между ног спящих и приподняла шторку. И тут же в испуге отшатнулась: с противоположной стороны окна прямо на нее удивленно уставилась мужская голова в форменной фуражке. Она поскорей опустила шторку и мгновенно, ногами прямо по спящим пассажирам проскочила к брату.

– Андрей, вставай скорей, там за окном гаишник!

Брат открыл глаза и потянулся.

– Какой еще гаишник, бессмысленное ты существо?! – Он широко зевнул. – Какие могут быть гаишники, если мы все еще летим? Да и по любому за окном никто не может на тебя смотреть – оно ведь на высоте. Сон, что ли, тебе страшный приснился?

Действительно, с чего это она взяла, что это именно гаишник? Да просто он был очень похож на одного инспектора ГИБДД, который этим летом остановил мать за нарушение правил и грозился отобрать права. Мать тогда так уни-

жалась перед ним, что Ане стало за нее стыдно, а гаишника захотелось убить. Закончилось же все, как обычно, банальной взяткой. Но лицо инспектора Аня запомнила очень хорошо, и человек, смотревший на нее с обратной стороны иллюминатора, был очень похож на этого гаишника.

Брат продолжал насмехаться над ней, но тут открылась дверь служебного отделения, и на этот раз из нее показался не болван-робот, а человек в военной форме.

– Точно, он, гаишник, – прошептала Анька и прижалась к брату.

– Как сюда попал ребенок, да еще женского пола? – сурово спросил "гаишник".

Андрей, как мог, объяснил про Аньку и чемодан. В продолжение рассказа "гаишник" смотрел на Андрея очень недоуменно и только бормотал: "не положено", "не положено", а выслушав до конца, сказал, что место, где они находятся, совершенно секретное, посторонним здесь находиться нельзя, и последствия для девочки могут быть самыми печальными. Аня очень испугалась. Андрей спросил, нельзя ли ее обратным рейсом отправить назад, билет он может оплатить кредитной картой, но "гаишник" только пожал плечами и загадочно произнес:

– Не знаю, не знаю. Сомневаюсь.

– Но ведь всегда можно что-то сделать! Безвыходных положений не бывает.

Гаишник почесал в голове и ненадолго задумался.

– Ну, в общем-то, конечно. Не бывает. Можно сделать.

– Ну, так сделайте. За мной не заржавеет. Сколько вы хотите?

Гаишник пошел в хвост самолета и поманил Андрея за собой. Там они о чем-то негромко переговорили и вскоре вернулись.

– Ну, Анька, ты со мной всю жизнь теперь расплачиваться будешь. Ладно, бери свой рюкзачок, надевай куртку и вали за ним. Передавай привет родителям, после того, как они тебя выпорют. И не забудь мне позвонить, как дома окажешься.

Потом наклонился к уху Дмитрия и прошептал:

– Странный какой-то. Представляешь, от денег отказался, просто шарахнулся, а взял всего лишь джинсовую рубашку, причем не новую.

После этой ночи, страшного робота и тряски всякое желание дальнейших приключений у Аньки пропало, и она даже обрадовалась, что скоро вернется домой, к маме и папе. Тем более что в невесомости она все-таки побывала. Она попрощалась с братом, и гаишник взял ее за руку и повел в хвост самолета. Там он открыл ключом незаметную низенькую дверку, и они пролезли в просторное помещение, где стояла куча огромных железных бочек высотой больше Анькиного роста. Гаишник сунул ей в руки валявшуюся рядом засаленную телогрейку и велел лезть в бочку.

– Завернись в телогрейку, мягче будет. Да голову береги.

Аня была, мягко сказать, очень удивлена, что в самолете

есть столько свободного места для такого количества таких огромных бочек, а грязная телогрейка вообще изменила все ее представления о самолетах. Но она не стала задавать гаишнику вопросов и выполнила, что ей сказали. И вскоре ее стало крутить и вертеть, и стучать головой и боками о стенку бочки. Было очень больно, несмотря на телогрейку. Когда, наконец, бочка перестала вертеться, а в голове перестало кружиться, Аня услышала:

– Приехали, вылезай! Да не поднимайся ты во весь рост, ползком, ползком. Так, теперь аккуратно раздвинь вон там колючку, отодвинь доску в заборе и пролазь через щель. Смотри, не зацепись за колючку, и дуй отсюда перпендикулярно забору.

– Как дуй? Куда дуй? Вы ведь обещали меня обратно отправить!

– Молчи, дурочка! Другой бы сдал тебя кому следует, и дело с концом, то есть тебе конец. Но я честный человек – я взятку взял и выведу тебя отсюда. Жить хочешь, отходи подальше от забора, иди к дороге, а оттуда уж добирайся до дому сама, как знаешь.

Аня пролезла через дырку в заборе. Забор был высотой метра три, доски плюс колючая проволока с внутренней стороны, кое-где порванная. Как она ни старалась, все равно зацепилась за проволоку и разодрала рукав.

Несмотря на пугающие слова гаишника, сразу уходить она не стала. Хотелось посмотреть, что будет с Андреем и други-

ми ребятами. Девочка чуть отодвинула доску, но в щель, через которую она вылезала, были видны только ржавые бочки. Тогда она прошла вдоль забора и нашла в одной доске круглую дырку от сучка. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ней никто не наблюдает, Аня прильнула глазом к дырке.

По всей логике вытекало, что они должны были приземлиться на каком-нибудь секретном военном аэродроме. Но никаким аэродромом тут и не пахло. Ни одного самолета и ни одного вертолета. Посреди огороженного забором поля стоял металлический ангар, и все. Непонятно.

Аня подождала немного и увидела, как из этого ангара вывели ребят с вещами и выстроили на поле. Именно вывели, потому что и за, и перед ними шли солдаты с ружьями и держали их на прицеле. Они были далеко, и Аня даже Андрея в толпе разглядеть не могла. Она ничего не могла слышать, но видела, как какой-то военный долго махал перед ними руками, наверно, выступал с речью. Потом кто-то из парней сказал, наверно, что-то не то, и получил прикладом по голове. Военный помахал указующим перстом у него перед носом и продолжил выступление. Наверное, это выступление никому не понравилось, потому что начался какой-то общий разброд, до Ани долетали неразборчивые крики. Один парень выскочил из толпы и бросился бежать в сторону забора. Раздался выстрел, и парень упал. Он так громко кричал от боли, что даже Аня слышала эти крики.

– Какой ужас! – подумала Анька. – Хоть бы это не Андрей был.

Ее всю трясло от страха.

Потом солдаты стали стрелять в воздух, чтобы восстановить порядок. Разброд прекратился. На поле прикатил грузовик с брезентовым верхом, и парни покорно залезли в кузов. Туда же солдаты забросили раненого, и грузовик уехал в неизвестном направлении.

– В армию их, что ли, забрали?

Аня даже не подозревала, насколько была права. Дело в том, что после того как ее в бочке выкатили, как она думала, из самолета, а на самом деле из ангара, туда вошло несколько солдат с оружием, и командир приказал всем забрать вещи и выходить. Делать нечего, против лома нет приема, все послушно построились и пошли. На выходе удивились отсутствию трапа, оглянулись и еще больше удивились отсутствию самолета. Их остановили посреди поля, велели поставить чемоданы на землю и ждать. На возмущение и вопросы только клацали затворами ружей. Потом подъехал допотопный зеленый внедорожник с брезентовым верхом, из кабины выскочил какой-то майор и, энергично помогая себе руками, произнес перед ними длинную воодушевленную речь, суть которой сводилась к тому, что мечта каждого настоящего мужчины – отдать жизнь за счастье Родины, и поэтому каждый должен послужить в армии.

– Так вот они, приятные сюрпризы, о которых мы узнаем

на месте? Да нас, оказывается, за наши же деньги в армию забрать хотят! – стали возмущаться ребята.

Тут один парень завопил, что у него сердце больное, и он по состоянию здоровья от службы в армии освобожден. За эти вопли он получил прикладом по голове, а майор, махая пальцем у него перед носом, насмешливо сказал:

– Значит, чтобы невесомость перенести, с парашютом прыгать, здоровье есть, и справка соответствующая имеется, а в армии служить здоровье не позволяет, и опять же справка на месте! Нехорошо, молодой человек. Нельзя жить по лжи.

Поняв, что их и вправду хотят прямо тут же забрать в армию, другие ребята, в том числе и Андрей с Дмитрием, стали кричать, что они студенты, что у них законная отсрочка, и что это беспредел, и что позовите сюда адвоката, и что они сейчас будут звонить в комитет солдатских матерей. Некоторые громко возмущались, что они уже один раз отслужили в армии и служить дополнительно по контракту у них нет никакого желания. Реакцией на все эти выступления, как видела Аня, были тычки в спины и выстрелы в воздух. Но после того как один несчастный бросился бежать и упал, сраженный пулей, все притихли и покорно позволили увезти себя в стоявшем чуть поодаль грузовике.

* * *

...После того, как грузовик скрылся из виду, Аня немного поплакала от страха и жалости к ребятам и к себе, потом вытерла слезы и пошла прочь от забора. Надо все-таки как-

то домой добираться. Она достала мобильник и выбрала в "контактах" мамин номер. Не получив никакого ответа, взглядела на экран телефона и увидела, что сеть не ловится.

– Ну и дыра! – подумала Аня. – Где ж это я очутилась?

Она огляделась. Во все стороны от забора шел лес, в ноябре уже практически голый, но все равно настолько густой, что уже в десяти метрах забор был различим с трудом. Девочка двинулась в том направлении, куда показывал гаишник. Надо добраться до ближайшего населенного пункта и оттуда связаться с родителями и с полицией.

Через какое-то время Аня вышла на дорогу, оказавшуюся сильно разбитой бетонкой, совершенно пустынной. Она шла, шла и шла. Сильный ветер с завыванием носил по дороге опавшую листву и редкие крупинки снега. Хотя куртка у нее была непродуваемой, но ветер все же как-то исхитрялся проникать под куртку и пробирал до костей. Было холодно, скучно и страшно. Даже плеер не помогал. Стало смеркаться.

Аня посмотрела на часы.

– Уже больше часа шагаю. Хоть бы одна машина проехала.

И тут как раз впереди нее с проселочной дороги выехала лошадь с телегой. На телеге сидела пожилая женщина в телогрейке и платке, какие она видела только на старых послевоенных фотографиях в семейном альбоме. Городская жительница Аня никогда не видела вблизи настоящих телег и тем более не ездила на них. Конечно, в раннем детстве она

каталась на пони в московском зоопарке, даже фотография осталась, но это ведь было не по-настоящему, не всерьез, да и пони все же не совсем лошадь.

– Тетенька, подвезите меня, пожалуйста, немного, – попросила она.

– Садись, подвезу, чего там. Вдвоем веселей. Куда направляешься-то?

На всякий случай Аня решила попридержать язык и не давать тетке излишней информации, пока ситуация не прояснится. Вдруг она заодно с теми, кто ребят увез? Поэтому она ответила без деталей:

– Мне вообще-то в город надо.

Женщина оказалась намного словоохотливее Ани. Выяснилось, что она как раз в город и едет, что живет она в деревне, и название деревни сказала, которое Аня тут же забыла, работает почтальоном и развозит по ближайшим деревням почту на лошади, и вот сейчас, закончив работу, едет навестить дочку и везет ей к празднику гостинцы: курочку, яичек, молочка. В городе-то с продуктами, сама знаешь, не очень.

Аня удивилась: какие в городе проблемы с продуктами, но решила пока не выяснять. Но все-таки не удержалась от вопроса, к какому празднику, дню единства, что ли, так ведь он уже прошел.

– К празднику ДСМ, балда. Вас что, в школе совсем уже ничему не учат?

Переспрашивать, что это такое, Аня не стала. Может, и вправду какой-то новый праздник ввели, а она пропустила, в чем признаваться стыдно.

Ехать на телеге оказалось совсем некомфортно. Сидеть на соломе было жестко, а так как дорога была вся в рытвинах и ухабах, телегу все время подбрасывало, а вместе с ней подбрасывало и Аню. Вдобавок тетка безостановочно молола какую-то непонятную чепуху, и от нее довольно сильно пахивало спиртным. Лошадь же все время останавливалась. Тогда тетка тыкала ее в зад прутиком и говорила "Н-но!". В ответ на это лошадь пускала ветры и норовила лягнуть тетку правой задней ногой. Но с места двигалась только после того, как на нее заорут матом. Прямо не лошадь, а осел какой-то.

Когда телегу особенно сильно подкидывало, Аня ойкала. После одного такого особо громкого вскрика тетка с изумлением в голосе констатировала:

– Да ведь ты никак девочка!

– Девочка, конечно, а что?

– Я думала, мальчик. А чего ж ты тогда в портках?

Аня очень удивилась вопросу и собралась спросить, чем это ей джинсы не нравятся, и какое тетке вообще дело, во что она одета. Но, побоявшись, что за грубость ее ссадят с телеги, не стала нарываться и только кротко сказала:

– Холодно ведь.

– Это да, холодно – это точно. А все-таки непорядок. И вообще, что это ты одна здесь делаешь? Место опасное.

– Ну вот, – подумала Аня, – начались вопросы, надо срочно что-то нейтральное придумать в ответ.

И быстро придумала:

– Э-э, так вышло, я бабушку навещала. Она приболела немного, а мама работает, вот и послала меня из города отнести ей лекарств и пирожков.

– Ага, – усмехнулась женщина. – Вроде как Синяя Пилотка, несла бабушке пирожок и горшочек с маслом. Хорошо, что волки не съели.

– Какая еще пилотка?! А что, разве тут волки водятся?

– Сказок, что ли, не читала? Волки – не волки, а только военная часть рядом. Не ровен час, на солдат наткнешься. Сразу воплощать начнут. Так что разумно, что мама тебя мальчиком нарядила. Так-то оно безопаснее.

– Чего начнут?! Чего воплощать?

– Чего-чего, – хихикнула женщина, – мечту, конечно.

И сразу же, непонятно почему испугавшись, прикрыла рот рукой и быстро произнесла:

– Я ничего не говорила, ты ничего не слышала.

Аня только пожала плечами. Странная какая-то тетка.

Дальше уже ехали без разговоров. Только женщина время от времени затягивала неизвестную Ане заунывную песню и иногда матерно орала на лошадь, когда та опять останавливалась. Наконец показались первые жилые дома.

– Ты в каком районе живешь-то? – спросила тетка.

– Недалеко от вокзала.

В общем-то, это было правдой. Только от какого вокзала? Как называется город, в который они приехали?

– Ну, до вокзала мне не по пути. Я тебя тут ссажу. Сама сверну налево, к дочке, а тебе до вокзала прямо вон туда идти, никуда не сворачивая. За полчаса дойдешь, может и быстрее. Да поторопись, поздно уже.

Аня поблагодарила женщину и осталась одна-одинешенька неизвестно где. Она вытащила из кармана телефон, опять набрала мамин номер, но сети все не было. Странно, город, а связи нет! Ладно, пойдем к вокзалу.

На улице не было ни души. Уже почти совсем стемнело, но фонари еще не горели. Удивительно, но место показалось ей чем-то знакомым. Аня шла минут двадцать по пустой дороге в указанном теткой направлении и вдруг оказалась на железнодорожном вокзале своего же родного Обнинска. Вот так так! И куда же это они целые сутки летели, если прилетели туда, откуда стартовали?

Вокзалом Аня, как и многие жители Обнинска, гордо именовала небольшую железнодорожную станцию, на которой останавливались только малоярославецкие и калужские электрички, а поезда дальнего следования проносились со свистом.

Точно, вот оно – здание вокзала, билетные кассы, киоски. Все как у них. Вот только куда делся огромный торговый центр "Привокзальный"? Нет, не Обнинск.

Ведь наверняка станции строились по стандартному про-

екту и в разных городах могут быть похожими. Как в старом дурацком кино, какое родители всегда на Новый год смотрят, где мужики напились в бане и по ошибке отправили одного вместо другого на самолете из Москвы в какой-то другой город, забыла, в какой. А там он отправился по своему адресу, где все было, как и в Москве, и он так и не заметил, что не дома, настолько все было одинаково. Вспомнила, "Ирония судьбы" называется. Вот, может, и с ней сейчас такая же ирония происходит?

Она прошла через зал ожидания и вышла на платформу. Там обернулась и прочла написанное огромными буквами название города: ОБНИНСК. А выше на стене висел транспарант со странной надписью "ПЛАНЫ ПВМ – В ЖИЗНЬ!" – Фигня какая-то!

Ну ладно, раз это все-таки Обнинск, дело упрощается. Можно идти домой, к родителям. Нет, лучше на автобусе, все-таки три остановки, тем более темно уже. Или лучше все же пешком? Заодно обдумать, как рассказать родителям обо всем случившемся. Или все же на автобусе? Уже поздно, и она устала.

Однако что-то мешало ей отправиться домой сразу. Что-то на этом вокзале было не так, чего-то не хватало, хотя Аня никак не могла сообразить, чего. Она прислонилась к забору и стала думать. Обычно у них на вокзале жизнь кипит, все суетятся, без конца подъезжают автомобили, с трудом паркуются, а потом с еще большим трудом выпарковы-

ваются. А тут машин вообще раз-два и обчелся. И с виду очень странные машины, какие-то все ржавые и раздолбаные. Автобусов тоже всего два стоит, и они тоже все обшарпанные, с облупившейся краской. К тому же привокзальная площадь, начинающая сверкать вывесками и рекламой задолго до полной темноты, освещалась всего парой тусклых фонарей. Случилось, что ли, что? А может, это все-таки не ее Обнинск, может этих Обнинсков в России не один?

Девочка вернулась на площадь, присела на краешек полусломанной скамейки рядом с двумя бедно одетыми ссохшимися старушками интеллигентного вида и продолжила наблюдение.

Если все-таки Обнинск, почему телефон не работает? Удивительным было и полное отсутствие рекламы и афиш на стенах. Когда успели убрать? И еще какой-то огромный облезлый транспарант вдоль всего забора, отделяющего площадь от железнодорожных путей, с непонятным текстом: "Нынешний уровень жизни народа ГСМ – результат политики партии ВМ!" Странные какие-то сокращения. То тетка на лошади про праздник ДСМ говорила, то ГСМ и ВМ какие-то. Нет, не Обнинск.

– Че это еще за ГСМ такое? Горюче-смазочные материалы? – спросила она у старушек, которые сидели на скамейке совершенно молча, хотя почему-то было ясно, что они тут вместе.

– Поговори еще, живо у воплощений окажешься, –

неприятно покосилась на нее одна из старушек, а другая еще более неприятным голосом сказала:

– Нечего тут сидеть! Домой иди, к матери. Детский комендантский час скоро.

Вот это новость! Детский комендантский час. Мама говорила, что в Думе давно собираются принять закон, чтобы дети до 16 лет не могли находиться на улице после девяти вечера без родителей, но она не говорила, что его уже приняли. Да и девять еще не скоро.

– Не ваше дело, хочу и сижу, – огрызнулась Аня вместо того, чтобы последовать мудрому совету старушек. Откинувшись на спинку скамейки и положив ногу на ногу, она продолжила свои наблюдения.

Народу вроде намного меньше, чем обычно. И народ все какой-то не такой. Ага, вот оно что! Почти весь народ состоял из одних взрослых женщин. И все женщины были одеты в мрачного цвета пальто длиной ниже колен. А головы их покрывали одинаковые шерстяные платки грязного серо-коричневого цвета, как у той тетки, что ее на телеге подвозила. Брюк не было ни на одной. Немногие же мужчины были или пенсионного возраста или, если моложе, были одеты в военную форму.

– Что-то есть хочется, – сказала одна старушка другой, прервав длительное молчание. – Пойдем, что ли, у Клавки по пирожку купим. И пропустим по шкалику.

Они поднялись со скамейки и направились к стоявшему

неподалеку киоску. У киоска выстроилась довольно внушительная очередь, и старушки встали в конец.

У Ани забурчало в животе. Ей тоже вдруг ужасно захотелось пирожка. Или двух. А, может, и трех. Да и то сказать, сколько часов она уже не ела? И она тоже пошла к киоску. Встала в очередь и спросила у старушек впереди, с чем пирожки и сколько стоят.

– Ты опять тут? – старушки неприятно удивились. – С капустой, пятерка штука, как всегда.

Надо же, как дешево, подумала Аня и достала из кошелька пятьдесят рублей. Куплю парочку. Когда, наконец, подошла ее очередь, она протянула продавщице деньги и сказала:

– Два, пожалуйста. И подогрейте.

– Что?! Подогреть ей, ишь чего захотела. Да ты мне чего суешь-то?! Ты деньги давай, круглики!

Из окошка высунулась рука в белом рукаве и швырнула назад Анькину пятидесятирублевку.

Аня недоуменно покрутила купюру в руках. Нормальная денежка, не фальшивая, не рваная. Чем это она ей не понравилась?

– Отойди от киоска, не задерживай очередь, – слышались сзади недовольные голоса.

Несолоно хлебавши, девочка подошла все к тем же старушкам, которые невдалеке жевали свои пирожки беззубыми ртами, и спросила:

– Бабушки, что это за круглики такие продавщица от меня

требовала?

– Ты что, с Вентуры свалился?!

– С какой еще Вентуры?

– Мальчик, тебе же русским языком сказано, иди домой.

Вон часы на вокзале висят, видишь, пятнадцать минут всего осталось до комендантского часа, – сказала одна старушка.

– Я вообще-то девочка, а не мальчик! – обиделась Аня.

– Так-так-так, – затакала вторая старушка. – Девочка, значит. В брюках. Горюче-смазочные материалы, говоришь. И круглики что такое, не знаешь. А ну-ка покажи, что ты Клавке совала!

Аня протянула ей деньги и сразу же пожалела об этом.

Старушка с интересом оглядела пятидесятирублевку.

– Все ясно, шпионка! Надо же, уже детей малых засылают, а совсем не готовят. Видать, скоро им совсем конец. Настасья, я ее задержу, а ты иди, зови воплоотителей.

И она мертвой хваткой вцепилась своими костлявыми пальцами в рукав Аниной куртки.

– Да никуда я не пойду. Будет тебе, Ирина, отпусти ребенка. Пускай к мамке бежит, а то и правда воплоотители заберут. Вон уже из-за угла показались.

Аня посмотрела туда, куда указывала пальцем старуха по имени Настасья. Там появились три существа, одетые во что-то похожее на космические скафандры. Гораздо страшнее, чем у полицейских, которые в Москве мирные демонстрации разгоняют. В руках у них были огромные палки с шипами

на концах. Аня такие в кино про древние времена видела, палицы назывались.

– Ладно, раз ты не хочешь, пойду сама их позову. А ты держи девчонку. Смотри, крепче держи. Чтобы не вырвалась. И бумажку, которой она расплатиться хотела, держи, а то у меня карман дырявый.

И старуха Ирина засемила в сторону "космонавтов". А старуха Настасья, вместо того, чтобы держать девочку, подтолкнула ее в спину:

– Давай, беги быстрее, пока не схватили. Да на вот, забери свою бумажку и не показывай кому ни попадя. Беги, может, пока Вентура не взошла, успеешь удрать. Хотя вряд ли, все равно выследят.

И Аня побежала. Ноги машинально понесли ее в ту сторону, где в ее Обнинске находился ее дом. Она бежала и все время оглядывалась. Те, кого старуха назвала воплощениями, неуклонно преследовали ее. Правда, бежали они как-то уж очень не торопясь, можно сказать шагом, так что расстояние между ними и Аней оставалось почти неизменным, даже увеличивалось. Однако, принимая во внимание разницу в росте, приходится признать, что если воплощения не торопились, то Аня-то бежала на пределе возможности.

Девочка совсем запыхалась. Еще немного, и она упала бы в изнеможении, но тут, наконец, показался их дом. Аня вбежала в подъезд, не обратив внимания на то, что входная дверь была распахнута настежь, и из последних сил молнией

взлетела на свой третий этаж. Только удивилась на бегу, что свет на лестнице не горит. Пошарив в темноте в поисках звонка и не найдя его, она замолотила в дверь руками и ногами.

– Кто там? – испуганно спросил из-за двери родной мамин голос.

– Мамочка, открывай скорей! За мной гонятся какие-то страшные дядьки!

Дверь осторожно приоткрылась, оттуда высунулась рука и затащила Аню в квартиру. И тут же дверь снова захлопнулась.

– Какие еще дядьки?!

– Ну, такие большие, в шлемах и с палками в руках! Полиция, наверно.

– Какая полиция, какие палки, что за чушь. Воплотители обыкновенные. Эх, только этого мне не хватало! Сейчас здесь будут, надо круглики готовить.

В доме почему-то было темно, как и на лестнице. Мама держала в руке свечу.

– А почему электричество отключили?

– Не болтай глупости. Быстро раздевайся и ложись в постель. Вот сюда. Может, обойдется еще. Одежду под кровать пихни, да подальше.

– Да ты не волнуйся, они медленно бежали, не должны были видеть, в какой подъезд я забежала.

– А им и не надо быстро бегать и видеть, куда ты забежала.

У них следоскопы в руках. Постой, что значит забежала, ты девочка, что ли? Я думала, мальчик. Одета как мальчик.

– Мам, ты в своем уме?! Как я могу быть мальчиком?

Тут раздался сильный стук в дверь, и Аня, сунув одежду под кровать, быстро нырнула в постель.

Мама открыла дверь. В глаза ей брызнул яркий свет фонарей, закрепленных на шлемах воплотителей.

– Что же это вы нарушаете, мечтательница!

– В каком смысле?

– В прямом смысле. Ребенок ваш где?

– Спит давно.

– Не лгите! Знаете же, что обман чреват каранием. Где ребенок?

Один воплотитель остался стоять у двери и освещал коридор фонарем, закрепленном на лбу, а также фонарем в руке, а другой ударом ноги распахнул дверь сначала большой, а потом маленькой комнаты, где лежала Аня, накрывшись одеялом до глаз, и тряслась от страха. Тот, что открыл дверь, достал из кармана блокнот и ручку и грозно спросил:

– Имя?

– Мое?

– Ребенка сначала.

Мама почему-то замялась с ответом, и Аня из-под одеяла первая громко произнесла: "Анна".

– Фамилия?

Обе хором сказали: "Сорокина".

– Ваш талон нарушений! – обратился мужчина к матери. Мама порылась в сумке и подала ему какую-то бумажку.

Воплотитель направил фонарь на эту бумажку и с ехидством произнес:

– Ну, что, гражданка Сорокина, третье нарушение меньше чем за полгода. Принудработы вам определенно обеспечены. Сейчас актик составим...

– Может, не надо никакого актика? – взмолилась мама. – Ну, пожалуйста! Мы ведь никогда не нарушали комендантский час, это в первый и последний раз, клянусь вам.

Аня видела, как она сунула что-то в карман куртки воплотителя.

– Ну, ладно, на первый раз так и быть, прощаем. Внимательней надо за своими детьми следить, мечтательница, не оставлять без надзора! Всего хорошего!

Они развернулись и ушли, с такой силой хлопнув дверью, что она не закрылась, а упруго отскочив от дверной коробки, с грохотом стукнулась о противоположную стену лестничной площадки. С потолка в коридоре со стуком посыпалась побелка.

– Пронесло, – облегченно вздохнула мама, аккуратно закрывая дверь на замок. – Однако двести кругликов как не бывало. Ладно, одевайся, отведу тебя домой. Может, твои родители мне заплатят. Кстати, откуда ты знаешь, как моя фамилия? Разве мы знакомы?

– Мама, – испугалась Аня, – ты что, с ума спятила? Род-

ную дочь не узнаешь? А папа где?

– Так, девочка, все, прекратили. Я, чтобы ее выручить, почти четверть зарплаты на взятку истратила, а ты какую-то чепуху несешь.

– Мам, ты чего? Я, конечно, виновата, что без спросу уехала с Андреем, ты можешь меня наказать, в угол поставить, выпороть даже, если так сердишься. Но отказываться от родной дочери?!

– С каким Андреем? Куда уехала?

– Что, ты и от Андрея отказываешься? От собственного сына? От семейной гордости? А от него-то за что? Он-то ведь с вашего согласия уехал. Если бы ты только знала, мама, что с нами произошло!

– Девочка, – устало сказала мама, – мой сын Андрей героически погиб три года назад при воплощении мечты. Не надо так зло шутить.

– Чепуха какая-то! Как он мог погибнуть три года назад, если еще несколько часов назад он был цел и невредим?! Мы ведь всего-то вчера днем уехали. А папа где? Пусть хоть он скажет, что тут у вас за это время произошло? Какие-то воплотители, круглики какие-то вместо рублей. Что за круглики-то?

– Да ты и впрямь с Вентуры свалилась!

– Во-во, и все про какую-то Вентуру непонятную талдычите. Это что еще такое?

– Ах, она не знает, что такое Вентура?!

Мать довольно зло схватила ее за плечо, подтащила к окну и открыла шторы.

– Что, не узнаешь? Полюбуйся. Вон она сегодня какая яркая!

Девочка посмотрела в окно и с ужасом увидела в небе две луны: одну обычную, полумесяцем, а другую огромную, занимающую чуть не полнеба и вдобавок неправильной формы. Как груша, от которой сбоку откусили кусочек.

– Ой, мамочки, что это? Это и есть Вентура? Это что же, получается, я не на Земле, что ли? А ты получается, и не мама вовсе?!

Аня вытянулась в струнку, напряглась и завизжала. Визжала она так громко и на такой высокой частоте, что у мамы, то есть, оказывается, не у мамы, а только удивительно похожей на нее женщины, заложило уши, а на глазах выступили слезы.

"Мама" какое-то время очень растерянно смотрела на визжащую Аню, а потом прижала ее к себе и сказала, поглаживая по спинке:

– Все, все, миленькая, успокойся, пожалуйста. Не понимаю, в чем дело, только не ори. У нас слышимость сильная. Сейчас соседи вызовут воплощений. А у меня нет больше денег на взятки. Ложись-ка ты лучше спать. Завтра будем разбираться.

Аня перестала визжать, но все еще дрожала, и слезы лились рекой.

"Мама" заставила Аню выпить успокоительные капли и уложила в кровать. Посидела с ней рядом на краю постели, пока девочка не уснула. Выходя из комнаты, женщина оглянулась, увидела торчащий из-под кровати кусок Анькиной куртки и вытащила оттуда всю ее одежду. Она заметила, что рукав у куртки порван, и подумала, что надо бы его зашить. Материал куртки показался ей странным на ощупь, поэтому она решила рассмотреть все как следует и взяла с собой в большую комнату.

Свитер и брюки, которые тоже были явно не местного пошива, она пока отложила в сторону и сначала ощупала куртку. Очень странный материал. А в карманах оказалась куча очень странных вещей, назначение которых ей было совершенно непонятно. Более или менее понятным было только небольшое портмоне, по-видимому, с монетами, но чужими, и прямоугольными бумажками, на которых были надписи: 50, 100, 500 рублей. Ни одного круглика. Зато было несколько бумажек с надписями на иностранном языке. Что-то похожее она видела по телевизору, за их хранение давали до 10 лет тюрьмы. Надо спрятать подальше. Нет, лучше сжечь. Неужели же эта девочка вражеская шпионка? Хотя вряд ли враги детей малых будут посылать, да еще с такими уликами. Не такие же они все-таки дураки, как в телевизоре показывают.

Еще в портмоне были какие-то непонятные блестящие карточки, карточка для проезда на московском метро, тоже

непонятная, так как в метро пускают безо всяких карточек. Школьный проездной билет для проезда на автобусах города Обнинска. Насколько ей известно, никаких особых билетов для проезда школьников в автобусе не бывает. Школьники, как и все остальные, ездят в автобусах бесплатно.

И вдруг под карточками она увидела фотографию, которая сразила ее наповал. На маленькой цветной фотографии была изображена она, Татьяна Сорокина собственной персоной, улыбающаяся своему мужу Владимиру, на коленях у которого сидела эта странная девочка Аня. А сзади стоял их сын Андрей и тоже улыбался, положив руки на плечи отцу и матери. Татьяне кровь бросилась в лицо, застучало в висках.

– Да что же это такое? Я ведь не сумасшедшая. И памяти никогда не лишалась. Не было у меня никогда никакой дочери. И цветных фотографий у меня тоже никогда не было. Может, это просто вражеский монтаж?

Татьяна придвинула к себе свечку и более пристально всмотрелась в фотографию. Вся их семья была одета во что-то летнее, яркое, на ее взгляд очень неприличное. У нее самой, например, блузка была с таким огромным вырезом, что еще чуть-чуть, и грудь вывалится. В такой на улицу выходить нельзя: сразу оштрафуют и в талоне нарушений дырку пробьют. Нет, все-таки это не Сорокины. От этих, на фотографии, просто разлило уверенность в себе и беззаботностью. И лица у всех такие свежие, румяные, от хорошего питания, наверно. И у Андрея никогда не было таких накачан-

ных мышц, того и гляди, футболка лопнет. И выглядит он несколько старше того Андрея, каким она его запомнила. А с другой стороны, слишком уж все эти, на фотографии, похожи на Сорокиных. И девочка ее за маму признала. И фамилию назвала, и про Андрея с Владимиром знает. И живы они, говорит. А что такое Вентура и круглики, не знает.

Все это должно было иметь какое-то логическое объяснение, но пока на ум ничего не приходило.

...Прошло уже почти три года после гибели сына и вслед за этим скоропостижной смерти мужа от инфаркта. Боль утраты уже давно притупилась и сменилась постоянной тоской. А теперь, после этой фотографии боль вспыхнула с новой силой. Татьяна долго плакала и даже повыла, закрывая рот подушкой, чтобы соседи не услышали, и девочка не проснулась. Отплакавшись, она выпила двойную дозу успокоительного и легла спать, постелив себе в большой комнате, где никогда не спала после смерти мужа. Капли не помогали, и она все вертелась на диване, не в силах отогнать от себя грустные мысли. Наконец, она чертыхнулась, поднялась, достала из серванта початую бутылку водки, налила себе около трети стакана и выпила, не закусывая. Только после этого ей удалось уснуть, хотя все равно не сразу.

Проснулась Аня от громкого гула. В комнате было еще совершенно темно. Гул шел с улицы.

– Поспать не дают в каникулы, – возмущенно подумала

она, повернулась на бок и накрылась с головой. И тут же вскочила, вспомнив, что она не дома, а неизвестно где, что Андрея забрали неизвестно куда, и вообще неизвестно, что теперь делать.

Она подошла к окну и раздвинула штору. Никакая Вентура в окно не светила, впрочем, как и Луна. Может, ей просто кошмар приснился?

В комнату вошла Татьяна Сорокина и включила свет.

Кошмар продолжался.

– Проснулась? – спросила Татьяна у Ани. – Умывайся и пошли завтракать. Поторопись, а то мне скоро на работу. Уже десять минут седьмого.

При других обстоятельствах Анька ни за что бы не стала подыматься в такую рань, тем более в каникулы. Но она была не дома. То, что это не ее дом, при электрическом освещении было видно сразу. Да, планировка квартиры такая же, но обои, мебель другая. И женщину эту принять за мать она могла только в темноте. Хотя вообще-то они очень похожи, и зовут их одинаково, и голос у них одинаковый, но никогда Анина мать не выглядела по утрам такой помятой и непричесанной, никогда не носила таких засаленных халатов, и от нее никогда не пахло перегаром.

В ранней молодости, еще будучи наивной школьницей, будущая Анькина мама Татьяна Сорокина прочитала в журнале "Работница", что женщина всегда должна выглядеть привлекательной перед мужем и детьми, и неукоснительно

следовала этому правилу. Она всегда вставала минут за десять до остальных и быстро наводила, как она говорила, экспресс-марафет. И ходила дома не в халате, а в легких брючках и футболке, всегда свежих. Вряд ли муж и дети ценили это, но Татьяна привыкла, ее это совсем не напрягало, и даже когда она была одна, то не позволяла себе выйти к завтраку, не умывшись и не причесавшись.

На кухне Аньку ждала тарелка с манной кашей. Вообще-то Анька терпеть не могла манной каши, тем более с комочками, но она не ела уже целые сутки и здорово проголодалась. Поэтому каша показалась ей очень вкусной, и через минуту тарелка была пустая. Довольная Татьяна, улыбаясь, положила ей добавки.

Насытившись, Анька обрела дар речи.

– Простите за то, что я вчера к вам ворвалась. Раз я не дома, а ты, то есть вы, не моя мама, то мое пребывание здесь ничем не оправдано. Только вот что мне теперь делать и куда идти, чтобы попасть домой, я понятия не имею.

– Ладно, спокойно. Никуда ты не пойдешь, пока не разберемся, в чем дело.

– А почему же, если вы не моя мама, вы вчера этого дядькам этим, воплотителям не сказали, а спасли меня от них?

– Чего же тут непонятного – ребенок беззащитный, испуганный просит о помощи. Это ж кем надо быть, чтобы не помочь! Но ты-то с чего взяла, что я твоя мама?

– Ну, а как же? Живете в нашей квартире, зовут вас точ-

но как мою маму, голос мамин, внешне вы как близнецы. А вообще все очень странно. Город Обнинск, адрес наш, а как будто в другой мир попала. Как называется ваша планета?

Татьяна засмеялась:

– Наша планета называется Земля. А ваша, что, называется как-то по другому?

– Нет, это наша планета называется Земля. А ваша никакая не Земля. На Земле нет никакой Вентуры. А если это и Земля, то это какая-то другая Земля. Просто параллельный мир какой-то.

– Как ты сказала? Параллельный мир? Хм, может, в этом что-то и есть. А ну-ка, расскажи мне, что с тобой произошло, что ты сюда попала. Только быстро, мне нельзя на работу опаздывать, у меня уже две дырки в талоне нарушений.

Аня как могла кратко рассказала все, начиная с того момента, как она залезла в чемодан брата.

– Да-а-а, интересная история. Я вот что подумала: может, ты и вправду попала к нам из параллельного мира? Когда-то давно, много лет назад, я читала в журнале "Наука и жизнь" статью о множественности параллельных миров. И вроде как теоретически открыли, что можно из мира в мир перемещаться. Только неужели уже дошли до практического осуществления? Ладно, извини, мне некогда. Побегу на работу. Сегодня суббота, официально до обеда работаем, так я после обеда в библиотеке посижу, может, чего откопаю на эту тему. Вернусь в пять – полшестого. А ты оставайся здесь. Если

кто в дверь звонить будет, не открывай, будто тебя тут нет. А лучше-ка я тебя на ключ запру. Чтобы скучно не было, почитай что-нибудь, книг у меня полно, в том числе детских книжек целый шкаф. Или телевизор после часу можешь посмотреть. Только громко не включай. Тут у меня соседка такая вредная, чуть что, сразу участковому воплотителю жалуется.

– Это Тамара Васильевна из тридцатой квартиры, что ли?

– Да..., Тамара Васильевна. У вас что, такая тоже есть?

– Ага. Всегда грозитя полицию вызвать.

– У нас никакой полиции нет. Короче, сиди тихо. Есть захочешь, что-нибудь из холодильника возьми. Я тебя не ждала, поэтому, извини, никакого обеда нет. Яичницу сможешь сделать? Газом пользоваться умеешь?

– Вообще-то умею, но вдруг у вас тут плита как-то по-другому включается?

Татьяна показала, как включать плиту, и унеслась на работу.

Анька посмотрела на часы. Без двадцати семь. Что ли еще поспать? Но спать уже не хотелось. Надо же, параллельный мир! А вдруг правда?

Она походила по квартире. Планировка, как и у них, только ремонта давно не было. Мебель старая, обивка на диване облезлая, линолеум протертый. И беспорядок жуткий.

"Параллельная" Татьяна Сорокина оказалась такой же неряхой, как ее собственная мать. Странно, но несмотря на

личную чистоплотность, хозяйкой Анина мама была никудышной, и если бы муж ее не гонял, она бы тоже развела в доме грязь. А эту, видимо, гонять некому. Все у нее было покрыто толстым слоем пыли, везде валялись бумаги, книги и газеты, все стулья и кресла были увешаны разнообразными деталями нижней и верхней одежды, все довольно плохого качества. Раковина на кухне была уставлена грязной посудой. На соседнем с раковиной столе тоже громоздилась гора грязной посуды. Целую неделю, наверно, не мыла.

Чтобы как-то оправдать свое присутствие в чужом доме, Анька решила навести порядок. Все равно делать было нечего. Она помыла посуду, награв воду в чайнике на газу, так как горячей воды в кране не было. Потом решила постирать, собрала все валявшееся белье, но, не обнаружив стиральной машины, отказалась от этой затеи. Тогда она ограничилась тем, что подмела пол и протерла пыль. Потом, проверив холодильник и найдя в морозилке кусок свинины на косточке, вспомнила, чему ее учили папа и учительница технологии, и сварила огромную кастрюлю щей. Правда, порезала палец, когда капусту строгала, но щи того стоили. На обед она съела аж две полные тарелки.

После обеда стало совсем скучно. Анька включила телевизор. Телевизор был какой-то странный, пульта к нему она не нашла. На передней панели был переключатель, как в бабушкином старом радиоприемнике. Она покрутила переключатель. Телевизор принимал всего четыре программы,

на всех показывали какую-то ерунду, все какие-то тракторы и станки, да еще и цвета почему-то не было. Так что телевизор она выключила, немного поиграла в игры на смартфоне, а потом задремала и проснулась, только когда с работы вернулась Татьяна Сорокина.

– О, чем-то тут так вкусно пахнет? А ты молодец, время зря не теряла.

Отсутствие грязной посуды в раковине и пыли на мебели она не заметила и спасибо не сказала. Переодевшись в свой грязный халат, Татьяна сразу разогрела щи на плите и позвала девочку ужинать. Проглотив несколько ложек супа, она сказала, что под такие замечательные щи грех не выпить, и довольно быстро хлопнула пару рюмок водки, закусывая черным хлебом с зеленым луком и заедая щами. Аня смотрела на нее с большим неодобрением. Да, это, конечно, не мама. Анькина Татьяна Сорокина вовсе не была аскетом, могла выпить на праздник бокал-другой хорошего вина, но водки никогда не пила, да еще чтобы с таким удовольствием.

– Ну, удалось вам узнать что-нибудь про параллельные миры?

– Кое-что узнала. Погоди, щи больно хороши, доем, расскажу. Торопиться некуда.

После ужина Татьяна уселась на диван в большой комнате и посадила рядом Аньку.

– Ну, слушай, что я вычитала. Не знаю только, как это тебе попроще объяснить, учитывая твой юный возраст. Чтобы ты

поняла без специальных научных терминов. В журналах все объясняется с использованием терминологии физики твердого тела и теории дислокаций. Как у тебя, например, обстоят дела с физикой твердого тела?

– Никак. Ни с твердого, ни с мягкого. Мы вообще физику только с этого года начали изучать, всего-то два месяца учим. Это еще притом, что у нас школа математическая, а так-то физику в более старших классах изучают. Я когда-то у Андрюшки на столе видела учебник, который назывался физикой твердого тела, и еще смеялась, думала, это про то, как правильно мышцы накачивать. А открыла учебник и увидела, что там совсем про другое, и одни формулы математические.

– Ну ладно, не трещи как сорока, лучше слушай, что я узнала. Ты знаешь, что наш мир, оказывается, вовсе не трехмерный?

– Знаю, конечно. Родители и Андрюшка говорили про четыре измерения, три пространственных и время.

– Нет, нет, я совсем про другое. Оказывается, есть еще куча измерений, которые мы не ощущаем. Они называются стохастическими. Стохастическими, говорю. Да не важно, как они называются. Не в названии дело, а в сути. Вот возьмем, например, тебя. В каждый момент времени ты принимаешь решение совершить какое-то действие. Например, утром ты можешь съесть кашу, а можешь не съесть. Если ты ее съешь, то события, по крайней мере для тебя, развиваются

так, а если не съешь – иначе. Например, если съешь, будешь сытая и получишь пятерку в школе. А если не съешь, на тебя мать будет ругаться, в школе проголодаешься, будешь думать о еде и схватишь трояк. Понятно?

– Понятно-то понятно, но пример так себе. Я и думая о еде, легко смогу пятерку получить. Но причем тут параллельные миры? Я ведь или съем кашу, или не съем. Произойдет что-то одно.

– А вот и нет. В этот момент мир разделяется на два: один, в котором ты съела кашу, и второй, в котором нет.

– Но я-то одна. Значит, где-то я есть, а где-то меня нет?

– Нет, все сложнее. Ты и там, и там. Просто ты – это нечто большее, чем ты себя ощущаешь. Вот представь, ты – это трехмерное существо, а твоя тень на стене – это ты как живое двумерное существо. Оно может жить только на плоскости, ну как нарисованный человечек на бумаге, который не имеет представления об объеме. Событий с ним происходит соответственно меньше, чем с тобой. Но все равно он неразрывно связан с тобой трехмерной, например, ты поднимаешь руку, и тень твоя тоже поднимает руку, ты опускаешь, и тень опускает. Но о твоём существовании тень и не догадывается, думает, что все свои действия совершает самостоятельно. Вот и ты в данном конкретном мире всего лишь проекция, то есть тень тебя многомерной на эту стену, которую мы называем нашим миром. Понятно?

– Н-ну, допустим. А где же тут все-таки параллельные ми-

ры?

– Вот представь себе кристалл. Знаешь, что такое кристалл? Да нет, причем тут волшебный кристалл, просто кристалл, скажем, с кубической решеткой. В идеальном кристалле в каждом следующем слое атомы располагаются точно так же, как в предыдущем. Вот каждый такой слой и есть один параллельный мир, и каждый такой параллельный мир – всего лишь часть общего многомерного мира – кристалла.

– И чем же тогда все эти миры друг от друга отличаются, если каждый слой такой же, как предыдущий?

– Так дело все в том, что в мире не существует ничего идеального, и по разным причинам в каждом следующем слое некоторые атомы чуть сдвинуты относительно положения в предыдущем слое, хотя положения основной части атомов совпадают. Но от слоя к слою расхождения накапливаются, и поэтому слои, которые далеко отстоят друг от друга, уже могут существенно отличаться расположением атомов. Так и с мирами. История состоит из множества событий. Некоторые из них происходят обязательно, например, солнце всходит и заходит каждый день, зима сменяется весной, законы физики везде одинаковы. Это происходит одинаково во всех мирах. А некоторые события могут случиться, а могут и не случиться. Например, в одном мире прошел дождь, а в другом нет. По аналогии с кристаллом каждое такое событие означает возникновение нового слоя со сдвигом одного атома – дислокацией. Какие-то из этих событий влияют на ход раз-

вития общества, а какие-то нет. Возьмем опять же тебя и кашу. От того, ела ты кашу на завтрак или нет, в мировой истории вряд ли что изменится. Да и вообще, само твое существование вряд ли скажется на общем ходе истории.

– Ну, это мы еще посмотрим в будущем, скажется или нет. И вообще, иногда ход истории может свернуть с проторенной дороги из-за какой-нибудь ерунды. Как в одном старом стихотворении про гвоздь и подкову, которое мы еще в детском саду учили.

И Анька продекламировала старинный английский детский стишок в переводе Маршака:

Не было гвоздя – подкова пропала,

Не было подковы – лошадь захромала,

Лошадь захромала – командир убит,

Конница разбита, армия бежит!

Враг вступает в город, пленных не щадя,

Оттого, что в кузнице не было гвоздя!

– А еще я вот слышала от брата, он читал какой-то фантастический рассказ, автора не помню, в котором люди попали в прошлое и убили там случайно бабочку, а когда вернулись назад в свое время, так весь мир оказался другим.

– Чепуха твои аргументы. Неубедительные. Стишок он и есть стишок, а в жизни уж кому-кому, а командиру-то всегда бы нашли лошадь подкованную, у других бы отняли. Так что если он и проиграл бой, то по иной причине. И насчет влияния бабочки ерунда. Это фантастический рассказ, там все

может быть. А на самом же деле... Вот вам на уроках физики, может быть, показывали, что если шарик на горке лежит, и его толкнуть, то достаточно очень слабого толчка, чтобы он необратимо скатился с нее, а если шарик в ямке лежит, то после толчка он немного туда-сюда покатается и опять окажется внизу, в состоянии устойчивого равновесия. Так вот, убитая бабочка, изменившая мир, соответствует первому случаю неустойчивого равновесия, а на самом деле мир наш – система о-очень устойчивая, и чтобы что-то изменить в истории, нужен очень сильный толчок, чтобы мячик из ямки вылетел, преодолел энергетический барьер. Поэтому события вроде убитой бабочки или съеденной или несъеденной каши, хотя и отличают один параллельный мир от другого, но не принципиально. Как, например, одно число отличается от другого, допустим, в сто десятом знаке после запятой. Ладно, чтоб тебе понятнее было, обойдемся без десятичных дробей. Например, отличается, как число 1230 отличается от числа 1231. А есть такие события, которые в корне изменяют ход развития истории, они называются точками бифуркации. Это, например, природные катаклизмы, революции, какие-то важные изобретения. Или даже вот, как в твоём примере про подкову, сущая ерунда может стать точкой бифуркации. Хотя мне это кажется маловероятным, но пусть. Тогда миры будут сильно отличаться друг от друга, скажем, как число 1 отличается от числа миллион.

– И сколько же их, таких миров, то есть измерений?

– Да говорю же, бесконечно много. И в каждом мире совокупность событий, которая происходит с живым объектом, называется его линией жизни. Нет, не судьбой, когда говорят про судьбу, имеется в виду, что жизнь твоя заранее определена кем-то свыше. А она никем не определена, ты сама поступишь совершаешь. Ну, в смысле обобщенная ты, многомерная... Так, о чем бишь это я говорила? Сбила ты меня с мысли. Да, линией жизни. В каждом мире она своя. Например, линия жизни Андрея здесь завершилась, а в вашем мире продолжается... Знаешь, как-то успокоительно об этом знать. А твоя, например, линия жизни в нашем мире вообще отсутствует... Да, что касается бесконечности миров. Поскольку живых объектов, то есть людей, животных и насекомых много, и каждый в данный момент времени может совершить по крайней мере два поступка, то в каждый квант времени один мир разделяется на два, а поскольку временных квантов с начала истории, как ты понимаешь, прошло много, то всех таких миров континуум. Эй, тебе все понятно?

– Чего ж тут не понять-то, ежу бритому ясно. Все вроде просто. Квант времени только – это что? И при чем здесь лошадь?

– Я не говорила ни о какой лошади, – удивилась Татьяна.

– Ну, как же, вы сказали, что миры эти конь чинит. Или тянет? Я что-то не очень расслышала.

Татьяна засмеялась:

– Я сказала – континуум, то есть несчетное множество. Ладно, иди спать. Я перед ней тут распинаюсь, как перед взрослым человеком, а ты еще совсем глупышка.

– Нет, спать еще не время. Тем более я днем спала. Сначала скажите, если миров бесконечно много, и все они параллельные, то есть непересекающиеся, то как из одного в другой попасть? И как мне обратно вернуться?

– А вот это вопрос. В журналах написано только, что существуют места, они называются точками выхода дислокаций, где в принципе возможен переход из одного мира в другой. А подробностей нет. И вообще, самая последняя статья на эту тему была опубликована четыре года тому назад, более поздние публикации отсутствуют, наверно, тему засекретили. Но, судя по тому, что ты здесь, нашим замечательным ученым удалось решить задачу с переходом из мира в мир.

– Ага, и ваши замечательные ученые тут же использовали свои знания, чтобы обманом похитить из нашего мира тридцать молодых мужчин!

Татьяна помрачнела.

– Это не ученые. Это, скорее всего, военные. И как дальше быть, я не знаю. И спросить-то не у кого – если тема секретная, а ты проникла в их секрет, тебя тут же изолируют. Ладно, не грусти. Поживем, увидим. Может, чего и придумаем. А на сегодня хватит. Сейчас новости в полдевятого посмотрим – и на боковую.

Татьяна включила телевизор. Для Аньки новости были совсем неинтересными. Гораздо интереснее было думать о том, что рассказала ей Татьяна.

После новостей телевизор погас, и погас свет. Татьяна пошла к окну и отодвинула шторы. Сразу стало светло настолько, что можно было даже читать.

– Почему свет выключили? Вчера тоже, когда я прибежала, света не было.

– Электричество экономить надо. Да и к чему свет, если Вентура такая яркая? Сегодня у нее максимальная яркость – полновентурие. Кстати о Вентуре. Ты вчера своим визгом ясно показала, что у вас ее нет. У нас ее раньше тоже не было, а появилась она только в 1908 году как астероид, захваченный тяготением в околоземную орбиту.

– В каком-каком году? Ой, как интересно! А у нас в 1908 году было падение Тунгусского метеорита, мне папа много об этом читал. Наверно, этот наш метеорит и есть ваша Вентура, только нашему меньше повезло, то есть, совсем не повезло.

– Никогда не слышала про такой метеорит. Вот видишь, у вас Тунгусский метеорит, а у нас – Вентура. Значит, наши с тобой миры разделились больше ста лет тому назад. Интересно, что, несмотря на такое событие, наш дом и квартира имеются в обоих мирах. Это еще раз подтверждает, насколько система устойчива. Тебя вот только здесь нет.

Анька возразила, что теперь-то она здесь тоже есть. А Та-

тьяна Сорокина, получается, все-таки некоторым образом ее мама. То есть проекция ее глобальной матери на ваши изменения. Как все сложно-то.

– Раз сложно, пошли спать. Утро вечера мудренее. А что, у вас свет вечером не отключают? Нет? Ну да, у вас ведь без Вентуры темно. У нас вообще-то в Троице и в Москве тоже до полуночи не выключают, ну так это столицы, там и с продуктами гораздо лучше. Везет же тем, кто там живет! Все, спать.

Анька уснула довольно быстро. В эту ночь ей снился конь Тинум, запряженный в телегу, на которой ехала она, Аня. Она тянула за вожжи и грозно говорила: "Но!" и "Тпру", на что конь только бифуркал, то есть одновременно громко фыркал и пускал ветры.

Татьяна же долго не могла заснуть, размышляя о проблемах мироздания. Вот ведь как интересно: говорят, что история не имеет сослагательного наклонения. То есть, что произошло, то произошло, и назад не отыграешь. А оказывается, все не так. Имеет, оказывается, история это самое сослагательное наклонение, которое выражается в множественности миров. Вот в девочкином мире Андрей и Владимир живы, а здесь нет. Почему, какие события привели к этой разнице? Какие тут причинно-следственные связи?

Утром Аньку снова разбудила Татьяна Сорокина. Она стояла в дверях уже в пальто.

– Иди завтракать. Я уйду на демонстрацию. Хотела тебя с собой взять, да у тебя одежда неподходящая.

– На какую еще демонстрацию? – зевнула Анька. – Против чего?

– Это как – против чего?

– Ну там, против коррупции, против повышения цен, против перекрытия дорог для проезда больших пупков, против нарушений конституции, да мало ли против чего еще.

– Ерунда какая-то. Демонстрации бывают не против чего, а в честь чего-то. Сегодня восьмое ноября – праздник ДСМ. В десять по телевизору посмотри военный парад и демонстрацию в Москве. Я тесто поставила, пригляди за ним. К обеду вернусь, пирожков напеку.

На завтрак опять была манная каша, которую Аня, удивляясь себе, очень быстро смолотила и подложила добавки. Добавку она ела медленнее, с непонятным ей самой наслаждением обсасывая многочисленные комочки, как будто это был леденец. Потом она смотрела по телевизору парад. Это было совсем неинтересно: танки какие-то, ракеты, марширующие солдаты. Не для девочек. Вот Андрей, наверно, посмотрел бы с любопытством. После парада показывали, как сказал диктор, демонстрацию мечтателей. Это оказалось массовым шествием, вроде карнавала, только еще скучнее. Звучала громкая музыка в стиле маршей. Акробаты на постаментах, установленных на колеса, показывали под музыку групповые упражнения. Эти постаменты тянули вперед

на веревках, как бурлаки на Волге, юноши в обтягивающих комбинезонах. Спереди и сзади постаментов шли простые люди. Простые в том смысле, что одеты они были обычно, а не как спортсмены или артисты. Единственным их украшением были темные бантики на лацканах пальто, какого цвета, неизвестно, так как телевизор цвет не показывал. Люди махали флажками и шариками, несли портреты суровых пожилых дядек с пустыми глазами. Многие шли с плакатами, которые начинались словами "Да здравствует...". На некоторых плакатах было написано: "Да здравствует День Свершения Мечты!" Вот оно, оказывается, что значит праздник ДСМ, про который говорили позавчера тетка на телеге и Татьяна Николаевна сегодня утром. Только что это такое, все равно непонятно.

Демонстранты время от времени нестройно выкрикивали "да здравствует", но выражения энтузиазма на лицах у них Анька почему-то не замечала. Лица были хмурыми и безразличными. Холодно, наверно, не могут дожидаться, когда все закончится. Вон почти все носами без конца шмыгают.

...Ни к какому обеду Татьяна Сорокина не вернулась. Анька несколько раз опускала тесто, начала уже волноваться, что оно перекистет. В два она не выдержала, половину теста убрала в морозильник, а из другой половины налепила кривобоких пирожков с капустой. С духовкой обращаться она не умела, поэтому нажарила пирожков в сковороде, благо растительного масла было достаточно. Выпив два ста-

кана сладкого чаю и объевшись пирожками, она разомлела и задремала.

Сорокина вернулась уже поздно вечером. Вернее, даже не вернулась, а ее привели совершенно никакую и поставили у входной двери две подруги с работы, которые сами были ненамного трезвей, чем Татьяна. После нескольких неудачных попыток она все-таки сумела всунуть ключ в замочную скважину, с трудом открыла дверь и ввалилась в коридор. Хотела сесть на табуретку, но промахнулась и грохнулась на пол. При этом она не переставала громко петь, дирижируя себе обеими руками:

Мечтать, надо мечтать

Детям орлиного племени,

Есть сила и воля у нас, чтобы стать

Героями нашего времени!

Аня смотрела на нее полными ужаса глазами. Татьяна это заметила.

– Что, не ндравлюсь? Твоя мать не пьет? А че ей пить-то? У нее, поди, и дети, и муж на месте. А не нравлюсь – вали отсюда к своей матери!

Татьяна махнула рукой в сторону двери, но не удержала равновесия и рухнула в направлении руки. Подниматься ей было лень, и она решила заснуть тут же в коридоре и подложила под голову руку.

Аня заплакала от обиды. Произнесла сквозь слезы:

– Да я бы с радостью свалила к своей матери, но как?

Татьяна не ответила. Высказавшись, она, не снимая пальто и обуви, тут же захрапела.

Захотелось повеситься. Девочка ушла в маленькую комнату и долго плакала. От злости она потопала ногами, пошвыряла на пол свои вещи и книги со стола. Потом еще немного поплакала и все собрала на место. Вышла в коридор, посмотрела на храпящую Татьяну, и ей очень захотелось пнуть ее ногой под зад. Но потом Анька подумала, что несмотря на гадкие Татьянины слова, она все-таки часть ее глобальной матери. Поэтому она не стала ее пихать, а сняла с нее сапоги и даже попыталась снять пальто. Последнее ей ввиду хилости не удалось. Тогда она принесла из комнаты подушку и подсунула Татьяне под голову. Из-под входной двери довольно ощутимо дуло, и Анька накрыла ее одеялом поверх пальто, а вдоль дверного порога, чтобы не было сквозняка, уложила свернутую трубочкой половую тряпку. Потом сама отправилась спать.

Среди ночи Татьяна проснулась от жажды. Обнаружив себя не в кровати, а на полу в коридоре, она сначала никак не могла понять, что такое с ней случилось. А когда поняла и вспомнила, ее стали мучить угрызения совести. Что же это я за свинья такая, ребенка беззащитного обидела, гадостей наговорила. Сначала приветила, а потом выгнать собралась. Говорят, что у трезвого на уме – у пьяного на языке. Но ведь на уме-то у меня совсем другое было, а не то, что я ляпнула! На уме... Кто это там сказал про ум? Э-хе-хех...

А девочка-то ведь меня пожалела, подушку под голову положила, одеялом прикрыла! А я... Что же теперь делать-то, как оправдаться? Ведь слово не воробей, вылетело – назад в глотку не вобьешь.

Татьяна прошла в комнату, где спала Анька, погладила ее по голове, поправила одеяло, после чего отправилась досыпать, уже в постель.

...Рано утром Аньку опять разбудил громкий гул с улицы. Через несколько минут в комнату вошла Татьяна и позвала ее завтракать.

– Что-то и не знаю даже. После ваших вчерашних слов как-то неудобно чужой хлеб есть.

– Иди без разговоров. Завтрак уже на столе.

Завтракали чаем с подогретыми пирожками, что Анька накануне нажарила. Сидели молча, уткнувшись в чашки. Наконец Татьяна не выдержала:

– Аня, прости меня за вчерашнее. Холодно было на демонстрации, сначала для сугреву приняли по чуть-чуть, а потом после демонстрации с девчонками с работы праздник отметили. И как-то незаметно ощущение времени и меры пропало.

– Татьяна Николаевна, вы алкоголик? – осторожно спросила Анька.

– Конечно, нет! – уверенно сказала Татьяна. Нервно постучала кончиком ложки по столу и произнесла менее уверенно: Думаю, что нет. – Потом еще немного постучала лож-

кой. – Надеюсь, что нет. Ты прости меня, если можешь. Больше этого не повторится. Я теперь не имею права быть такой безответственной.

– Ладно, проехали. В любом случае вам недолго осталось меня терпеть. Я как-то совсем забыла, что у Андрея обратный билет на 18 ноября. Надо только найти тот ангар, откуда их выводили, и того дядьку, который меня в бочке выкатил. Пусть он меня теперь обратно вкатит. Поможете мне?

Татьяна с жалостью посмотрела на нее и сказала, что боится, что билет тот был в один конец. Раз парней военные забрали, то она не верит, что их так скоро назад отпустят. И что отпустят вообще. Для чего тогда было все это затевать? Если проект секретный, а их отправить назад, будет утечка информации, а этого никто не допустит.

– Но ведь если они не вернуться через две недели домой, родители их будут беспокоиться, пойдут в турфирму, где они билеты покупали, и все раскроется!

– Не знаю. Не думаю, что нашим военным есть какое-то дело до того, как все это будет воспринято в вашем мире. Это ваши проблемы. Ладно, ладно, не реви. Мы все же попробуем проникнуть туда, откуда вы здесь появились. Я сейчас на работу побегу, а ты вспоминай дорогу, по какой ты добиралась до города от этого ангара. В следующее воскресенье попробуем найти это место. Почему не раньше? Потому, во-первых, что я работаю дотемна, а в темноте ничего не найдешь. Во-вторых, одна ты не пойдешь искать – это опасно, и

одежда у тебя нездешняя. Я вообще удивляюсь, почему тебя не задержал никто в такой одежде. Твое счастье, темно уже было, в темноте твоя необычная одежда не так бросалась в глаза. Так что надо тебе пальто нормальное купить, а денег у меня сейчас нет. Зарплата у нас десятого, а выдаст раздатчица, скорее всего, только одиннадцатого. Все, я поскакала на работу. Не скучай. Пить больше не буду, не бойся.

Да, легко сказать, вспоминай дорогу. Аня, когда шла от забора, как-то совсем не обращала внимания на дорогу. Были ли там какие-нибудь повороты, перекрестки? В каком месте ей тетка на телеге встретилась? Допустим, это место она еще найдет, потому что телега вроде никуда не сворачивала, по дороге катила, и в городе, когда она с теткой распрощалась, она до вокзала тоже по прямой шла. А вот как дальше забор найти? Помнится, незадолго до того, как ее тетка посадила на телегу, она посмотрела на часы и отметила, что шла чуть больше часа. То есть от этого места до забора километра четыре-пять неизвестно в какую сторону. Да еще надо дырку в заборе найти, и гаишника этого как-то позвать. А вдруг его там не будет? Задача казалась неразрешимой. Ой, а вдруг Андрюшка домой улетит, а я так и останусь тут? Аньке стало очень страшно.

– Ладно, не переживай раньше времени, найдем как-нибудь, – успокоила ее Татьяна, вернувшись с работы. Хотя сама она была на сто процентов уверена, что никакого ангара искать не стоит, потому что никто ребят назад не отпустит.

Но для очистки совести попробовать все же надо.

* * *

И потянулась неделя, дни которой, хоть и не сказать, что как две капли воды, но все же были очень похожи друг на друга. Утро начиналось с гула на улице, такого громкого, что мертвого разбудит. Минут через пятнадцать в комнату входила Татьяна и говорила, что завтрак на столе. На завтрак обычно была манная каша, которую Анька поглощала мгновенно и просила добавки. Потом Татьяна уходила на работу, а Анька оставалась дома. Она читала книжки, играла в игры на мобильном телефоне, иногда готовила что-нибудь на ужин. Но все равно было скучно. Татьяна приходила домой около половины шестого, они ужинали, смотрели телевизор и в девять ложились спать, тем более что ровно в девять отключали электричество. И так каждый день.

Когда Анька услышала гул в первый раз, она не придавала этому особого значения. Ну, гудит что-то и гудит. Да и мысли ее тогда были заняты совсем другим. В понедельник она тоже была разбужена гулом за окном, но и тут ее больше занимало, как вести себя с протрезвевшей Татьяной Николаевной, которая вечером велела ей проваливать. Но во вторник, доев добавку каши, она прямо спросила, что это гудит так громко каждое утро.

– Как что, это городской будильник. Будит всех, чтобы на работу не проспали.

– А зачем надо всех будить? Что, у людей своих будиль-

ников нет, что ли?

– У кого-то есть, у кого-то нет. Так надежнее. Не проспят – не получат дырки в талоне нарушений.

– А если кому не надо на работу? Пенсионеры там, или школьники на каникулах. Или кто во вторую смену работает?

– Ничего, пусть просыпаются со всеми вместе. Знаешь поговорку: "Рано в кровать, рано вставать, всегда ты готов мечту защищать"?

Анька хмыкнула:

– В такой форме никогда не слышала. Надо говорить: "Горя и хворя не будете знать".

– Не хворя, а хвори, во-первых. То есть болезни. А во-вторых, у вас надо так говорить, а у нас по-другому. Параллельные миры, сама понимаешь. Но вообще-то у вас это как-то приземленно звучит, не призывает к свершениям. Ладно, некогда мне тут с тобой спорить о поговорках. На работу опоздаю – в талоне дырку получу, и к Новому году заказ не дадут.

– А у нас никаких талонов нарушений нет. А за что дырку в талоне пробивают?

– За опоздание, за бумажку, мимо урны брошенную, за детей, оставленных без присмотра, за нахождение в пьяном виде на улице. Счастье, что меня в этот раз не застукали. И еще много за что. Легче сказать, за что не пробивают. Все, я побежала на работу, не скучай.

Во вторник Татьяна сняла с Аньки мерку. Завтра зарплату, наконец, дадут, куплю тебе пальто, чтобы можно было на улицу выходить.

В среду вечером Татьяны в обычное время дома еще не было. Анька уже испугалась, что та пошла с подругами зарплату пропивать. Но нет, в начале восьмого Татьяна вернулась домой с огромными свертками под мышками.

Анька посмотрела на пальто и скривила рожу.

– Я это не надену. Уродство какое-то! И тяжелое как не знаю что. И сапоги страшные и тяжелые. Сами такое носите!

Татьяна была оскорблена до глубины души. Она старалась, выбирала, столько времени и денег потратила, в очереди в кассу сколько простояла, а эта говнюшка нос воротит и хамит. Но вслух Татьяна спокойно произнесла:

– Не знаю, во что одеваются в вашем мире, а здесь все девочки носят такие пальто и не ходят в брюках. Ты не должна выделяться. Представь, что ты шпионка, и заслана врагами разведать наши секреты. Ну ладно, не хочешь шпионкой, представь, что ты артистка, и тебе дали роль. Ты ведь не станешь отказываться, если эта роль будет отрицательная? Даже если это будет роль Бабы-Яги? Так и здесь, ты исполняешь роль местной жительницы. Вот и постарайся исполнить ее как следует, чтобы тебе поверили. А то мы с тобой пропадем.

– Ну, если так, если только как роль, то, так и быть, надену, – согласилась Анька, влезая в пальто.

Пальто оказалось ей длинноватым, и весь вечер Татьяна

подшивала на руках подол и рукава. За два следующих вечера она связала Аньке шапку и шарф, потому что такие мальчиговые кепки, какая была на Аньке при ее появлении в этом мире, здесь тоже не носят. Да и холодная она уже для нынешней погоды.

...В пятницу утром, проглотив, как обычно, вторую порцию каши, Анька задумчиво произнесла:

– Что-то здесь не то. Не может человек, находясь в здравом уме и светлой памяти, поглощать каждое утро манную кашу в таких количествах. Я ведь манную кашу терпеть не могу и никогда ее дома не ем.

– Может, твоя мама ее готовить не умеет?

– Не умеет, она у нее всегда с комками выходит. Папа так и не смог ее научить. Ну, так ведь и у вас тут тоже одни комки.

– Где?! – возмутилась Татьяна.

– Уже у меня в животе. Так вот, я думаю, у вас тут какие-то особые вещества в пищу добавляют, вызывающие аппетит и делающие ее более вкусной. Я еще в самолете заметила, то есть не в самолете, а в ангаре, но тогда-то я была уверена, что это самолет. Так вот, я заметила, что обычная еда пахнет необычайно вкусно, и все лопают ее с волчьим аппетитом.

– Да ну, ерунда. Ничего никогда о таких веществах не слышала. И вообще, как ты это себе представляешь? Даже если такие вещества существуют, как добавить их, например, в картошку, морковку и прочее?

– А и не надо их добавлять во все продукты. Что практически по все блюда добавляется? Правильно, соль и сахар. Вот в них эти вещества и могут добавляться. Как бы это проверить? Есть идея! Вы вот как биофизик... Вы ведь биофизик?

– Биофизик? Ну, в общем-то, можно и так сказать. Пусть будет биофизик.

– Ну вот. Моя мама тоже биофизик. Тогда у вас тоже должны быть на работе какие-нибудь хроматометры и спектрографы?

– Какие ты слова знаешь! – засмеялась Татьяна – Сразу видно, что твои родители научные работники. Только у нас эти приборы вообще-то называются хроматографами и спектрометрами.

– Э..., тут я не уверена, может, у нас они тоже так называются. Можно же по спектрам определить, есть там посторонние вещества или нет?

– О, да ты и про спектры знаешь! В принципе можно. Да, можно установить наличие посторонних веществ, но каких именно, не всегда возможно определить. Ладно, ты меня заинтриговала, сегодня уже не удастся, а на той неделе будет больше времени на работе, проверю. Хотя это тоже непросто: сама я на приборе не работаю, а только отдаю образцы и получаю распечатку спектров. Да еще сначала нужно у заведующей лабораторией заказ на эксперимент подписать. Поэтому потребуется придумать правдоподобную версию, за-

чем мне это надо. Но время есть, придумаю что-нибудь.

– Времени-то осталось не очень много. На той неделе я домой отправлюсь!

Татьяна только вздохнула.

...В субботу у Татьяны, как всегда, был короткий рабочий день, и домой она вернулась уже в час. После обеда они с Анькой пошли на рынок. Анька вышла из дома на улицу первый раз за целую неделю. Сначала даже голова закружилась от свежего воздуха. Ей было стыдно идти в таком пальто, длинном и болтающемся между ног. Было неудобно, и кроме того, она боялась насмешек окружающих. Но никто не обращал на нее никакого внимания, а попадавшиеся навстречу девочки в большинстве своем были одеты в такие же пальто, и лишь немногие были одеты в шубы, которые, впрочем, элегантнее не выглядели.

За ту неделю, что Анька просидела дома, наступила настоящая зима, несмотря на то, что была еще только середина ноября. Снегу навалило чуть не по колено. Но дороги были расчищены и посыпаны песком. По пути на рынок Анька видела много людей с лопатами, метлами и ведрами с песком. Одеты они были при этом как-то непохоже на дворников. Татьяна объяснила, что это приговоренные к принудительным работам так стараются.

– Надо же, и без таджиков, оказывается, можно улицы чистыми держать, – удивилась про себя Анька.

Рынок располагался на том же месте, что и в Анькином

Обнинске, но был гораздо беднее. Продавцов было намного меньше, а вот покупателей намного больше, чем у них. Татьяна пришла сюда за картошкой и овощами.

И тут задача поиска ангара, представлявшаяся совершенно не решаемой, была легко разрешена. Надо же было такому случиться, что, проходя с Татьяной по рядам в поисках более дешевой картошки, Анька увидела "гаишника". Вот ведь как мир тесен, а еще говорят, что Обнинск большой город, областного подчинения! Гаишник был в гражданской одежде, но Анька его сразу узнала по широкой харе. Он тоже искал картошки подешевле. Анька толкнула Татьяну локтем в бок:

– Смотрите, это тот человек, который меня из ангара вывел. Давайте у него спросим дорогу, ну и вообще.

Татьяна достала из кошелька 50 кругликов.

– Мечтатель, можно вас на минутку? – она помахала у него перед носом деньгами.

Увидев деньги, гаишник сглотнул и как замороженный двинулся за Татьяной прочь от толпы.

– Ну, что у вас? О, это ты! – узнал он Аньку. – Добралась, значит, до дому. Ну, слава ПВМ. И чего теперь тебе от меня надо?

– Дяденька, можете вы меня в следующую среду, 18 ноября, обратно закатить в бочке в этот ангар?

– Зачем это?

– Туда должны привезти моего брата и остальных ребят.

– С чего это ты взяла?

– Ну, так нам обещали.

– Ничего не знаю. Если там событие намечается, нас заранее извещают, почти за неделю. Топливо завозят, несколько машин с бочками. Мы бочки разгружаем и в ангаре в специальные цистерны выливаем. И болвана заранее заряжаем.

– Болван – это робот? – спросила девочка.

– Болван – это болван. Не знаю никаких роботов.

– Его бы смазать не мешало, скрипит как старые качели, – совсем не к месту углубилась в подробности Анька.

– Смазать – это не по нашей части. Для смазки свои специалисты есть. Наше дело горючее залить и болвана зарядить. И территорию охранять, чтобы никто посторонний не проник.

– И часто у вас там события происходят? – Татьяна вернула разговор в нужное русло.

– Мамаша, вы выказываете недопустимое любопытство. Это совершенно секретный объект.

– Ну почему же недопустимое. Раз там мой сын был, значит, я имею к этому прямое отношение, не так ли? – важно изрекла Татьяна и снова помахала у него перед носом кругликами.

Гаишник опять сглотнул.

– Ну, вроде так, вроде имеете отношение. Но только чего-то другие мамыши беспокойства не проявляют.

Татьяна быстро нашлась с ответом:

– Ну, так у других матерей нет таких непослушных до-

чек! – Она сжала Анькино плечо, чтобы та молчала.

– Это точно, – сказал гаишник, – очень невоспитанная девочка. А вообще-то вот ведь что интересно: заходят они в объект спокойные, даже веселые, потом двери закрывают и запускают двигатели. Что уж там за опыты над ними ставят, я не знаю, а только, когда их после этих опытов на третий день выводят из объекта под конвоем, что-то у них в голове сдвигается, потому что выходят они оттуда какие-то взвинченные, орут и скандалят. И несут какую-то чушь непонятную.

– Вот-вот, и дочь свою я после этого события просто не узнаю, – Татьяна еще сильнее сжала Анькино плечо. – Думаю, ей непременно надо еще раз там побывать, чтобы прийти в себя. Чтобы ей мозги вправили. Ну, так что, часто события-то бывают?

– Не часто. Сколько работаю там, всего-то три раза и были. За весь год. И на ту неделю ничего не намечается. По крайней мере, мне ничего не известно.

Татьяна сунула гаишнику деньги и обещала дать в два раза больше, если 18 ноября "событие" все же состоится, и он проведет девочку в ангар. И еще она попросила нарисовать схему, как добраться до места назначения. Гаишник деньгам обрадовался, схему нарисовал, но добавил, что восемнадцатого вообще-то не его дежурство. Придется меняться с сослуживцем. Не терять же круглики! Ведь при его работе не так часто удается взяточку получить.

– А если события не будет? Что же, я зря тогда со сменщиком буду меняться? – заволновался вдруг гаишник.

Татьяна успокоила его, что деньги он получит в любом случае, даже если событие не состоится. На том они и расстались.

Татьяна спросила у Аньки, обратила ли та внимание на слова гаишника, что парни заходят в ангар веселые, а выходят на третий день со скандалом. А ты говорила, что ваше путешествие длилось меньше суток. Что это значит? А значит это, что наши военные не только забирают из вашего мира молодых мужчин, но и зачем-то отправляют в ваш мир наших. А зачем, я тоже не знаю. Но это очень подозрительно.

Аньку же эта проблема совсем не заинтересовала. Важно, что теперь им известна дорога к ангару. На обратном пути с рынка она была очень взволнованной и радостной. Не в силах сдержать эмоции, она все время подпрыгивала, несмотря на тяжелые сапоги и неудобное пальто. А Татьяна была грустной и жалела денег. Она вовсе не была жадной, и деньги всегда легко и без сожаления утекали у нее между пальцев, но в данном конкретном случае Татьяна была уверена, что деньги выкинуты понапрасну, а восемнадцатого надо будет еще выкидывать. До аванса не хватит, придется заниматься.

На следующий день, в воскресенье, они на всякий случай прошлись по тому маршруту, что нарисовал на схеме гаишник. Не обманул мужик. Не сразу, но нашли и забор, и

неплотно прибитую доску, где Анька пролазила, и дырку в доске, через которую она смотрела на поле. На обратном пути меток наставили, чтобы в среду время на поиски не терять.

На среду Татьяна отпросилась с работы. Аньке она сказала, что взяла библиотечный день.

– Я так понимаю, в библиотечный день вы ведь должны в библиотеке сидеть?

– Должна. Но в этот раз не буду. Да вообще-то практически никто и не использует библиотечный день по прямому назначению. Это только подразумевается, что он для изучения научной литературы, которая отсутствует в институтской библиотеке, а на самом деле все в этот день какими-то своими делами занимаются. Порядок наводят, за покупками ходят, и так далее. Правда, потом на работу надо справку из библиотеки принести, что ты там был, но это решается просто – дашь чего-нибудь знакомой библиотекарше: шоколадку там или, лучше, бутылочку красненького, и никаких проблем со справкой.

...Одевшись потеплей, они отправились в путь с утра пораньше, хотя, как помнила Анька, обратный билет был на два часа дня.

– Зачем я все это делаю? – тоскливо думала Татьяна. Через несколько часов у девчонки начнется истерика, опять визжать будет, и как мне ее успокаивать?

Гаишник, как и обещал, подошел к забору ровно в двена-

дцать.

– Эй, вы тут? Напрасно пришли. Топливо не подвозили. Команды заряжать болвана не было, а заряжается он целых два дня. Деньги давай, мамаша!

– Татьяна Николаевна, давайте еще подождем? Вдруг их все-таки привезут?

Татьяна сказала гаишнику, что они еще подождут, по крайней мере часов до двух. Тогда она и деньги отдаст.

– Дело ваше, ждите, – сказал гаишник. – А не улизнете, не расплатившись?

– Тьфу на тебя, – сказала Татьяна и отдала ему половину обещанного. – Остальное перед уходом.

Гаишник немного успокоился и даже принес им через некоторое время горячего чаю с сахаром, чтобы не замерзли. В начале третьего он опять подошел к забору.

– Ну, говорил я вам, что ничего не будет! Еще будете сидеть или хватит?

– Пойдем, Аня, нам нечего больше ждать. Как я и думала, это был билет в один конец.

– Эй, пойдут они, а деньги?

Татьяна отдала ему остальные обещанные круглики. Потом она обменялась с ним телефонами: вдруг пригодится, и попросила позвонить, если будет намечаться "событие". На ехидный вопрос гаишника, не боится ли она, что он сообщит о ней куда следует, Татьяна ответила, что не боится, так как они оба замазаны, и ему в таком случае тоже не поздоровит-

ся. А если он будет вести себя правильно, то в накладе не останется. На том и разошлись.

Вопреки опасениям Татьяны, девочка не стала устраивать истерик и визжать как резаная. Она только грустно спросила, что же ей теперь делать.

– Что делать, что делать? Жить дальше, вот что. А там видно будет. В школу тебе надо ходить, учиться. Нельзя все время дома сидеть, спать после обеда и тупеть. Неизвестно, сколько ты здесь пробудешь. Только в школу тебя никто не возьмет без документов... Даже не знаю, как тут быть. Хотя нет, знаю. Тетка, вот кто нам поможет! В воскресенье поедem к ней, тут не очень далеко, меньше пятидесяти километров, всего час на электричке.

– Это в Детчино, что ли, к бабе Свете? Ух ты! Она у нас там какая-то шишка в поселковой администрации. И у вас, выходит, она тоже шишка? Давайте прямо сегодня и поедem, еще не поздно!

– Шишка. Фи, какие выражения. Сегодня не поедem, она на работе допоздна, и потом, подготовиться надо, подарков каких-нибудь купить тетке родной. Сто лет у нее не была, позор. Да, тетя Света тут тоже начальница, в ее подчинении все кибуцы Детчинского района.

– Чего?! Откуда это у вас кибуцы? Кибуцы же в Израиле, мне мама с папой про них рассказывали. Они в Израиле в санатории были, папа сердце подлечивал. Меня, как всегда, с собой, конечно, не взяли. Израиль что такое? Это страна

такая на Ближнем Востоке, там еврейцы живут. Да не древняя, а теперешняя. А у вас на этом месте что? Палестина – протекторат Великобритании? Н-да, параллельные миры, ничего не скажешь.

– Ты что, хочешь сказать, что твои родители за границу на отдых ездили?!

Изумлению Татьяны не было предела, а Анька не понимала, чему тут удивляться и чего тут такого необычного: все ездят, были бы деньги.

– А какие проблемы с сердцем у твоего отца?

– Инфаркт у него был. С тех пор почти три года прошло. Что-то у них там на работе не клеилось, договоров не было, зарплату сотрудникам платить было нечем. Папа сильно переживал. И вот мы ехали вечером домой на машине, и папа прямо за рулем сознание потерял. Хорошо хоть это случилось, когда он уже тормозил на светофоре, и мы только легонько тюкнули стоящую впереди машину, а то бы все могли погибнуть. Папа довольно долго лежал в больнице, а после больницы в санаториях реабилитацию проходил, сначала в России, тут недалеко, в Воробьево, а потом в Израиле долечивался, там медицина хорошая. Но с тех пор он машину больше не водит, мама теперь рулит.

Сказать, что Татьяна была ошеломлена, это ничего не сказать.

– Мой муж Владимир умер почти три года назад, у него тоже инфаркт был, как у твоего отца. Я теперь вспоминаю,

что у него тоже были какие-то проблемы с работой. С начальником ругался все время, повышения не получил. Это глупо звучит, но мне как-то легче было бы думать, что он умер от горя, что Андрей погиб, а не от неприятностей на работе. ...Эй, погоди, ты сказала, что он за рулем сознание потерял. У вас что, собственная машина есть?!

И чему тут удивляться, не понимала Анька. У них скоро и вторая машина будет. Мама новую собирается покупать, а эту Андрею отдадут. Как же, отдадут. Кому теперь отдавать-то, если неизвестно, когда они вернутся домой. Да и вернутся ли вообще?

А Татьяна продолжала истекать завистью:

– И твоя мать сама машину водит?

– А чему вы удивляетесь? И я буду водить, когда вырасту.

Если, конечно, домой попаду.

Посмотрев на Татьяну, Анька только сейчас заметила, что она отчаянно завидует, и ей стало ее жалко.

– Вообще-то мама не очень хорошо машину водит, все время штрафы получает. А дядька этот, гаишник, то есть не этот, конечно, а параллельный тому, с кем мы сегодня общались, вообще хотел ее прав лишить.

Тут Анька стала сама себе противна. Эту Татьяну пожалела, а на параллельную, на маму свою наябедничала. И она поторопилась перевести разговор на бабу Свету, к которой они должны были вскоре отправиться за помощью.

Баба Света, а полностью Светлана Михайловна, была

старшей сестрой Татьяниной матери и, следовательно, двоюродной бабушкой Аньки. После того, как Татьянины родители и в том, и в этом мире погибли в 1979 году в авиакатастрофе под Внуковым, возвращаясь от родственников из Одессы, Татьяну воспитывала тетка вместе со своей родной дочерью. И двоюродной бабкой Аньке она приходилась только номинально, а по сути была самой настоящей родной бабушкой.

...Но в воскресенье ни к какой бабе Свете они не поехали. Пробыв полдня на морозе почти без движения, и Татьяна, и Анька здорово простудились и уже в среду вечером слегли с температурой. На следующий день к Татьяне пришел врач и выписал бюллетень до понедельника. Аньку смотреть не стал, велел вызывать врача из детской поликлиники. За лекарствами им некого было послать, и Татьяна с высокой температурой сама ходила в аптеку и в магазин за продуктами, добавила простуды, и в понедельник опять врача вызывали. Чувствовали себя обе очень хреново, особенно поначалу, так что даже городской будильник, гудевший пятнадцать минут кряду, не мог заставить их вылезти из постели.

Аньке вообще-то всегда нравилось болеть. Не нужно ходить в школу. Посуду мыть не заставляют. Лежишь себе на диване и книжечки почитываешь. Или мультики по телеку или на компьютере смотришь. Правда, глотать больно, и нос заложен, но от этого лекарства есть. Мама с папой всегда что-нибудь вкусненькое в клювике приносят. И Андрей ни к че-

му не придирается. И бездельницей никто не обзывает, хотя в это время она самая что ни на есть бездельница и есть.

Ну, так это дома болеть, а тут она не дома. Книжек, правда, полно, но ни мамы с папой, ни компьютера здесь нет. К тому же Татьяна переносила простуду гораздо тяжелее, чем Анька. У нее, кроме горла и насморка, болели все мышцы, и в первые дни ей даже лежать было больно, не то что ходить. Она в основном спала. Ничего Аньке в клювике не приносила, лишь варила утром манную кашу с комками, а в обед разогревала суп, который она предусмотрительно сварила в самом начале болезни в огромной кастрюле, чтобы надолго хватило.

Посуду мыть приходилось все время Аньке. Она также отвечала за ужин. На ужин Анька обыкновенно варила яйца вкрутую. Они ели яйца и пили чай с баранками и сухарями. А на ночь пили горячее молоко с медом.

В остальное же время, не занятое приготовлением и принятием пищи, они лежали каждая в своей комнате и не разговаривали, потому что обе хрипели, и сказав всего пару слов, заходились в приступах кашля.

Но всему приходит конец, в том числе и простуде. Через несколько дней им полегчало, и они стали проводить больше времени вместе и здорово сблизились. При этом Татьяна все чаще ловила себя на мысли, что ей хочется надавать подзатыльников этой нахальной девчонке. Вот и сейчас, развалилась за обеденным столом, чуть книжку в суп не окунула...

– Как ты сидишь?! Кто это читает за едой? Вот если бы я была твоей матерью...

– Пардоньте. Кстати, Татьяна Николаевна, вы тоже газету-то уберите. Кто это читает за едой? А насчет матери, у меня вот какой вопрос возник: а почему у вас только один ребенок? Вы ведь так похожи на мою маму, и характер у вас, как у нее, значит, и желания в принципе должны совпадать, несмотря на параллельность миров. Но вот у моих родителей двое детей, а у вас только Андрей был. Неужели вам никогда не хотелось, например, девочки?

– Почему же, хотелось, конечно. Как же не хотеть. Но у нас хотеть мало. Чтобы получить разрешение девочку родить, надо в очереди лет сто отстоять, а то и все двести.

– Как это?

– А так. Мы мальчиков должны рожать, чтобы мечту осуществлять. Родить без очереди девочку разрешается, только если перед этим уже есть два мальчика. Или надо заплатить огромные деньги, налог на девочку называется. Или чуть поменьше дать на лапу врачам, чтобы разрешили родить якобы по жизненным показаниям.

– Но ведь мальчики или девочки по желанию не получаются! Это же от хромосом зависит. И в среднем мальчиков и девочек рождается почти поровну. Вы что, лишних девочек топите, что ли, как котят?

– От хромосом, говоришь? Ты чересчур много знаешь для твоего возраста. Тебе в куклы играть надо, а не про хромо-

сомы рассуждать.

– Ну, знаю, и что? Я много чего знаю. Я люблю учиться, ученье – свет. И мама у меня биофизик, между прочим, а папа инженер-физик. Так как же вы с лишними девочками поступаете?

– Не бывает у нас лишних девочек. У нас избирательное регулирование рождаемости. При сроке беременности в десять недель у нас делается специальное исследование...

Тут Татьяна засомневалась, можно ли говорить на такую тему с такой маленькой девочкой, но потом решила, что с такой – можно. Про хромосомы же она знает.

– Так вот, делается специальное исследование и определяется пол будущего ребенка, и если это не мальчик, то делается особый укол, и через несколько часов ты уже не беременная. Но, конечно, если деньги заплатишь, то плод оставляют. Вот и у меня определили, что эмбрион женского пола. А поскольку денег у нас таких никогда не было, даже на взятку, то ребенка я лишилась.

– Но ведь это жестоко!

– Согласна, жестоко. Но целесообразно. При таком раскладе к двадцатилетнему или двадцатипятилетнему возрасту число девушек и юношей будет почти одинаковым, и каждая сможет найти себе мужа. И не будет того, что сейчас творится, когда кругом одни одинокие женщины тоскуют вечерами в полном одиночестве. Отсюда и повсеместное женское пьянство, и суицид.

– Как мне тебя жалко! – всхлипнула Анька.

Она даже не заметила, что сказала Татьяне "ты".

– А уж как мне себя жалко было, кто бы знал. Но ты не расстраивайся, это все давно в прошлом, это еще двенадцать лет назад произошло.

Анька с изумлением посмотрела на Татьяну.

– А мне, между прочим, одиннадцать с хвостиком...

Татьяна ахнула.

– Одиннадцать? Как же так?! Как это я умудрилась до сих пор не спросить, сколько тебе лет? Ты ведь такого маленького роста, я думала, тебе и девяти еще нет. Это что же получается?

– То и получается. Ты моя генетическая мать, получается, а моя линия жизни в этом мире начиналась, но оборвалась еще в стадии эмбриона.

И тут с Татьяной случилась истерика. Она схватилась за голову, вцепилась в волосы и выдрала каждой рукой по здоровому клоку. Потом она с такой силой несколько раз стукнулась головой об стену, что тут же на лбу у нее вскочило несколько багровых шишек.

– Танюшка, перестань, пожалуйста! Все равно ничего не изменишь, – уговаривала ее Анька.

В своем мире Танюшкой Аня называла мать в минуты приступов телячьей нежности.

Татьяна продолжала выть, раскачиваясь из стороны в сторону и время от времени стучаясь головой об стену. Тогда

Анька налила в кувшин воды из-под крана и окатила Татьяну.

– С ума сошла?! Холодно ведь!

Но истерика прекратилась, и Татьяна отправилась в ванну вытираться и переодеваться в сухое. Вернулась она почти спокойная, только очень бледная, и на покрасневших глазах еще блестели слезы.

Аня подала ей стакан.

– Вот, выпей валокординчику, пожалуйста.

– Тут валокординчик твой не поможет. Лучше водки принеси из бара.

– А водки нет. Я ее всю в унитаз спустила.

Татьяна сначала хотела разораться: мол, какое ты имеешь право в чужом доме распоряжаться, дорогой продукт уничтожать, но вовремя остановилась, сосчитала в уме до десяти и рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.